

Ханна Бренсер

Ты
найдешь
это
письмо...

Как я обрела смысл жизни,
написав сотни писем незнакомым людям

Проект TRUE STORY. Книги,
которые вдохновляют (Эксмо)

Ханна Бренчер

**Если ты найдешь это
письмо... Как я обрела
смысл жизни, написав сотни
писем незнакомым людям**

«ЭКСМО»

2015

УДК 159.9
ББК 88.52

Бренчер Х.

Если ты найдешь это письмо... Как я обрела смысл жизни, написав сотни писем незнакомым людям / Х. Бренчер — «Эксмо», 2015 — (Проект TRUE STORY. Книги, которые вдохновляют (Эксмо))

ISBN 978-5-04-089905-0

Ханна Бренчер зарабатывает 25 долларов в неделю и мечтает покорить мир. Она переезжает в Нью-Йорк в надежде, что ее жизнь закрутится как в любимом сериале, но сталкивается с одиночеством и депрессией. Пытаясь справиться с одиночеством, Ханна пишет добрые и нежные письма незнакомцам и оставляет их в метро, в парках и кофейнях. Так она находит свое призвание и создает сайт под названием «Миру нужно больше любовных писем» — www.moreloveletters.com, где каждый может получить письмо или написать тому, кто нуждается в помощи и словах поддержки. За год на сайт написали сотни тысяч писем, которые помогли одиноким людям со всего мира сблизиться и поддержать друг друга. Трогательная и откровенная, эта история о силе добрых слов подарит вам мгновения приятного чтения и вдохновит на добрые дела.

УДК 159.9
ББК 88.52

ISBN 978-5-04-089905-0

© Бренчер Х., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Примечание автора	7
Дорогой читатель!	8
Часть 1	10
Липкая любовь	11
Пунктирные линии и места назначения	17
Нам нужно новое «после»	26
Ты здесь	38
Маленькие руки	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ханна Бренчер

Если ты найдешь это письмо... Как я обрела смысл жизни, написав сотни писем незнакомым людям

*Нейту – в благодарность за знание о том, из чего сделаны ангелы,
побуждения и «нечто большее»*

***Репортер:** Какую вещь вы всегда носите с собой?*

***Майя Ангелу:** Я – дитя Божие. Это всегда со мной.*

Hannah Brencher

IF YOU FIND THIS LETTER: MY JOURNEY TO FIND PURPOSE THROUGH
HUNDREDS OF LETTERS TO STRANGERS

© 2015 by Hannah Brencher

Originally published by Howard Books, a Division of Simon&Schuster, Inc.

© Мельник Э. И., перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

*«История Ханны Бренчер откроет вам важную истину: помогая
другим, мы делаем мир лучше – а заодно делаем лучше самих себя».*
Женский портал EVA.RU

Примечание автора

Имена и личные характеристики персонажей этой книги изменены, за исключением некоторых, чтобы защитить виноватых и невинных. Хотя все, что описано в этой книге, произошло на самом деле, отдельные события объединены или переставлены местами, чтобы сохранить целостность повествования. Я очень старалась связать все истории воедино с помощью исследований, разговоров, свидетельств и дневников. Возможно, есть вещи, которые я поняла неправильно, но, если память меня не подводит, все изложено верно.

Дорогой читатель!

Ничто в твоей рассказчице не внушает доверия, кроме ее сердца.

Я должна сказать это сразу, пока мы не двинулись дальше. Пока ты не стиснул кулаки и не застегнул пряжки на своих громких кованых сапогах, чтобы протоп-топ-топать обратно к книжному магазину и прореветь в ухо продавцу: «Ты-ы-ы-ы! Пр-р-р-о-о-одал! Мне-е-е! Кни-и-и-гу! С ненаде-о-о-ожной! Рассказчицей! Р-р-р-р-р!!!» А вот и нет! Я тебе с самого начала сказала, что я – рассказчица ненадежная.

Я непредсказуема. Я мысленно складываю стихи, катая свою тележку по «Таргету»¹. Я проживаю жизнь в облаках. И я тебя непременно разочарую, потому что я – человек. А именно так и поступают люди. Чаще, чем нам хотелось бы.

Все свое детство я сочиняла в уме истории, и похоже, что эта привычка последовала за мной и во взрослую жизнь. Моя мама, наверное, по-прежнему хватается за голову при мысли о том, что люди это читают. Она гадает, не взбрет ли мне в голову снова рассказывать байку о том, как она отправила моего новорожденного брата вниз по реке в корзинке. Эту историю я поведала одноклассникам, когда училась во втором классе. На самом деле ее героем, конечно, был Моисей, а не мой брат.

Но сердце у меня – чистое золото. И мы не собьемся с пути, пока вести нас будет мое сердце.

Я буду добросовестной, обращаясь к тебе. Такой, какой я еще не была, когда в результате подписки на журнал Girls' Life у меня образовалось сразу семнадцать подруг по переписке. Я ни разу и не ответила ни одной из них, а ведь они писали мне. Они присылали мне глянцевые фотографии, и я приносила их в школу, чтобы похвастать ими как своими «сестрами», но так и не удосужилась написать ответ. Мне казалось, что в моей жизни хватает времени только получать послания и гладить себя по головке за то, что я собрала целую галерею красивых подружек из Канзаса и Кентукки, точно они были не живыми людьми, а коллекционными открытками.

Но в этот раз все будет иначе. Я собираюсь сесть за стол и написать тебе «от начала до конца», как если бы вся моя задумка была любовным письмом, которое ты, надеюсь, найдешь. И я молюсь, чтобы в нем оказались именно те слова, которых ты давно ждал. Неважно, в чем твои проблемы – в одиночестве ли, в ощущении своей никчемности или в создании контакта с неконтактным миром. Эта история – для тебя. Она написана для любого, кто боится выключать по вечерам телефон или говорить «прощай» поутру. Для победителей и побежденных, а еще для мечтателей. Для тех, у кого желтые розы на столешницах и напитки с высоким содержанием кофеина в руках. Для тех, кто до сих пор тоскует по Уитни Хьюстон или мучается по ночам, пытаясь найти причину, по которой он здесь оказался. Эта книга – для любого, кто когда-либо считал, что он не способен принести никакой пользы другим людям. Для любого, кто старается вписаться в мир, который не всегда принимает нас с распростертыми объятиями.

По правде говоря, я не представляла, что мы с тобой познакомимся вот так. Я и вообразить не могла, что другие люди будут находить и пересказывать пути и повороты этой истории своим друзьям. Я лишь фантазировала, как однажды, бурно жестикулируя, буду рассказывать маленьким детишкам с точно такими же солнечно-рыжими локонами, как и у меня: «В один прекрасный день в городе Нью-Йорке ваша мама начала писать любовные письма незнакомым людям. Она оставляла их везде, где появлялась. Ей это так понрави-

¹ «Таргет» («Target») – шестая по величине сеть розничных магазинов в США.

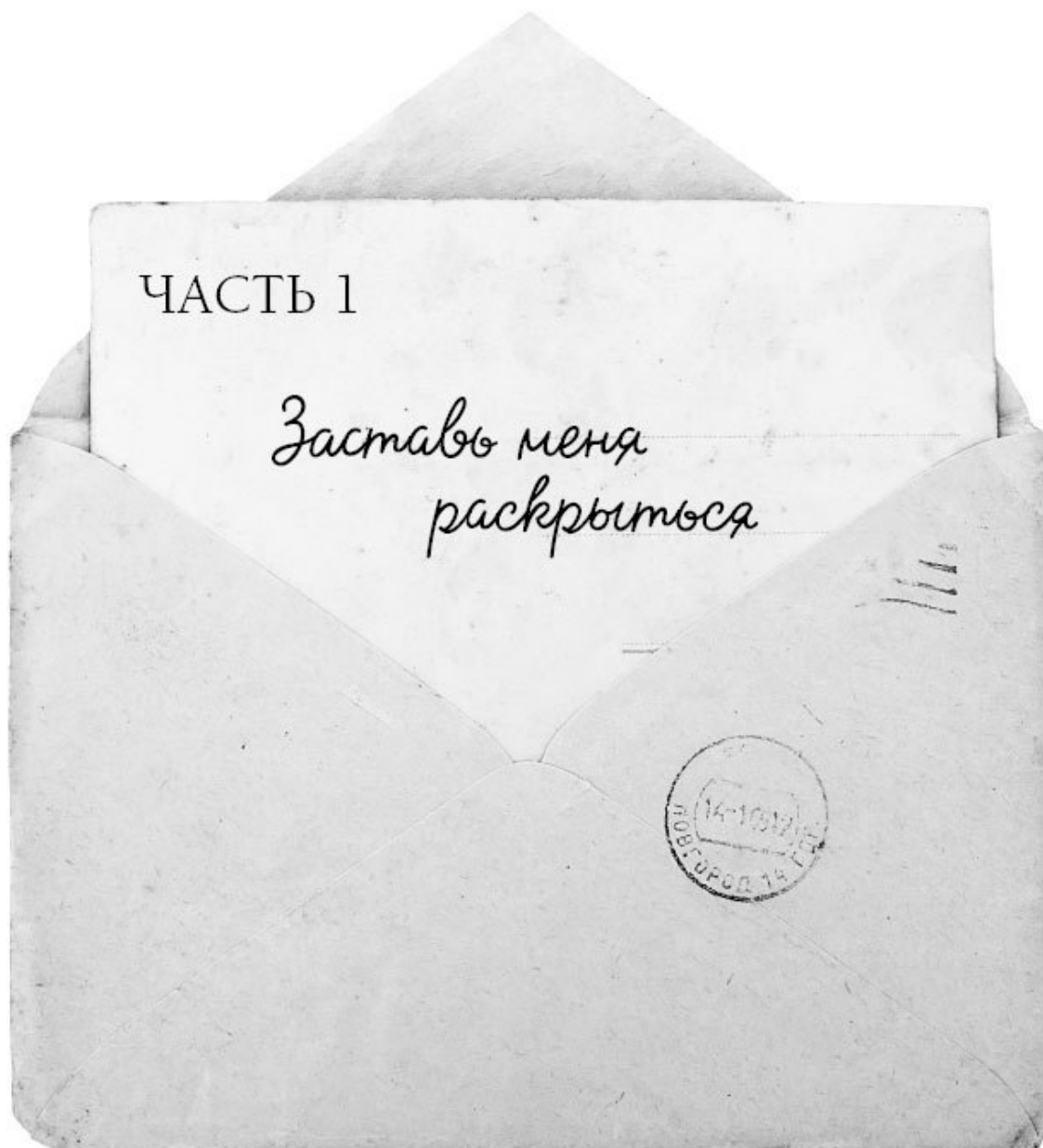
лось, что она решила не бросать это занятие. Другие последовали ее примеру, и им это тоже так понравилось, что они решили никогда не останавливаться».

Я думала, что это будет всего лишь история, которая покажет моим детям, как много могут сделать человеческие руки. В мире, который всегда слишком громко разглагольствует о том, что «имеет значение», мне хотелось рассказать им свою истину. Истину о том, что они будут иметь значение и когда солнце в зените, и когда оно на закате. И когда на их плечах солнечные ожоги – и когда они вырастают из своей обуви. Или когда теряется их багаж. Или когда они возвращаются домой из Парижа с разбитым сердцем, а рядом с ними – на одного человека меньше, чем при отъезде. Я хотела, чтобы эта история убедила их, что они имеют значение всегда и что главное не в том, чтобы знать, а в том, чтобы просто принимать это знание.

Да, это должна была быть история, которую они смогли бы носить с собой, когда большие не смогут обнимать меня... Но теперь есть ты. Ты где-то подобрал меня. Ты каким-то образом меня нашел. Я обязана верить, что на это есть причина.

*Связанная с тобой теснее, чем большинство,
Твоя Х. Б.*

Часть 1 Заставь меня раскрыться

Липкая любовь

Тот день, когда я перебиралась в Нью-Йорк, остался в моей памяти куда более романтическим, чем был на самом деле. Моя мама рассказала бы тебе, читатель, что в то утро воздух был сух и всю дорогу до железнодорожной станции мы не разговаривали. Я же склонна все преувеличивать – и уверять, что видела щебечущих птичек и почтовые ящики. Они прощально трепетали нам вслед красными флажками, пока мы катили к вокзалу по городку Нью-Хейвен, что в штате Коннектикут. Мама рассказала бы, что я оставила дома разбросанные по комнате заколки для волос. А я сказала бы, что взяла с собой все, что мне было нужно в тот день, – мечты, втиснутые в чемодан рядом с кардиганами, и желания, уложенные вдоль резиновых сапожек.

Это всегда было моим недостатком, за который меня вечно распекает мама. Я все романтизирую. Я впихиваю душевные терзания туда, где их не должно быть. Я слишком глубоко все воспринимаю, держусь за все гораздо дольше, чем следовало бы. **Жизнь всегда была для меня одной большой книгой стихов.** Я думаю, что любой человек – это живое стихотворение, весь целиком, от полного надежд сердца до неприятных привычек. Наша жизнь просто слишком хлопотлива, чтобы останавливаться и подолгу задумываться о чем-то одном.

Заднее колесико одного из моих чемоданов сломалось, и все пошло наперекосяк. Одноколесный багаж насмеялся надо мной с заднего сиденья, когда мы с мамой свернули с шоссе и подъехали к железнодорожному вокзалу Нью-Хейвена.

Я решила не говорить маме о сломанном колесике. Она никогда не была склонна к тревожности, но ее бы это обеспокоило. И она попыталась бы – всем своим материнским существом – выручить свою малышку.

* * *

Такой я и была – малышкой для своих родных. Вначале родились мой старший сводный брат, потом родной брат, которого я когда-то называла своим близнецом-ирландцем (на самом деле это не так), а потом я. Я всегда говорю людям, что я – точка равновесия между прихотливой фантазией матери и «посконной» трудовой этикой отца. Благодаря маме меня тянет к серьезным беседам с людьми и красивым испанцам. А страсть к коллекционированию у меня от отца. Из них двоих получилась хорошая команда. Мой отец годами тащил в дом всякую всячину, точно старьевщик, а мать выжидала, пока он задремлет на диване, чтобы тайком вывезти все это в «Гудвилл».² Я же – нечто среднее: мне всегда хотелось и держаться за то, что попадает в пределы моей орбиты, и одновременно выпустить это на свободу.

Пока я росла, очень-очень долго многие люди даже не догадывались о моем существовании. Они с удивлением узнавали, что долговязый рыжий ребенок, молча плетущий бисерные фенечки у ограды на бейсбольных матчах, – сестра тех самых парней, которые были городской легендой бейсбольных полей, теннисных кортов и любых состязательных арен. Я в основном жила в тени братьев. Не то чтобы я делала это намеренно, просто держалась особняком. Мне нравилось создавать свои маленькие миры, где я обладала властью над стихиями, и делать вид, что мои лучшие друзья – красивые мужчины и женщины из каталога *JC Penney*, модели, которых я вырезала и клеивала в свои детские дневники.

² «Гудвилл» «Goodwill» – американская некоммерческая благотворительная организация.

Я последней из детей покинула дом с бирюзовыми ставнями, превратив наших родителей в птиц на опустелом гнезде. Мой самый старший брат уехал учиться в университет, а потом стал жить со своей подругой. Мы с ним были разными в том плане, что он всегда знал, чего именно хочет, и шел к своей цели. А я? Я скорее из тех, у кого случается экзистенциальный кризис, когда утром надо выбрать вкус сиропа для кофе. У моего второго брата в то время были трудности с наркотической зависимостью, так что он жил дома, когда «завязывал», и пропадал бог весть где, когда срывался.

* * *

Пока мы ждали поезда, мама потихоньку засовывала какой-то предмет в подбрюшье моего чемодана, надеясь, что я этого не вижу. Я пыталась заставить себя забыть об этом. Я суешила и теребила в руках билет, от души желая уже наконец уехать. Я знала, что это. Письмо. Без писем никогда не обходилось.

Моя мама – существо ностальгическое. Ты, дорогой читатель, должен знать о ней три вещи. Во-первых, она всегда оказывается душой любой вечеринки. Во-вторых, любой человек, которого моя мама когда-либо любила, может рассказать, как именно звучит казу,³ когда тебе оставляют в день рождения послание на голосовой почте. Это накрепко вколочено в мои детские воспоминания – как мама перелистывает страницы своей записной книжки и находит имя того, кто отмечен в календаре. Как она набирает номер мобильного телефона. Ждет. А потом звучание казу, наигрывающего мелодию «С днем рождения», струится по всему дому.

В-третьих, моя мама – существо ностальгическое, и мне приходится верить, что она сделала такой же и меня. Она прятала письма, чтобы я их находила, всю мою жизнь. Была записка, вложенная в посылку с куском шоколадного торта, когда несчастная любовь впервые пришла в спальню моего студенческого общежития на первом курсе. Была открытка, оставленная на приборной панели моей машины на следующий день после смерти Уитни Хьюстон. Из конверта высыпалось конфетти. По его лицевой стороне были разбросаны нотки. Мама написала мне красным маркером шесть слов: «И я всегда буду любить тебя».⁴ Я – результат следа из хлебных крошек, любовных посланий моей мамы.

Каждый мой приезд и отъезд состоял из писем, записок, секретных безделушек и других мелочей, словно крохотные кусочки бумаги и конфетти способны заставить человека всегда возвращаться домой. Она прокладывала тропку из этих крохотных намеков четырем годами ранее, когда мы с ней заселяли меня в мое первое студенческое общежитие. Я находила письма, засунутые в пластиковые корзинки, и записки в книгах, которые еще не раскрывала. Частички моей мамы являлись мне на протяжении всего семестра. На лекциях. На собраниях. На отдыхе. **Моя мама – эксперт по оставлению улик, свидетельствующих о том, что она присутствовала в жизни окружающих.**

Одна из записок, которые она присылала мне почтой в мою первую неделю в колледже, включала длинную цитату, скопированную из «О, Журнала Опы», пока мама сидела в приемной врача. В этой цитате речь шла о матери и дочери. О последней точке освобождения. Девушка уходила в свою взрослую жизнь без поддержки твердой материнской руки. Она обернулась у двери, и мать шагнула вперед, желая еще что-то сказать дочери напоследок, – но сдержалась и отступила. Именно в этот момент матери наконец пришлось признаться себе: «Я отдала все, что могла, и мне придется поверить, что этого достаточно. Она должна выйти в мир, увидеть, прочувствовать и понять все остальное сама».

³ Американский духовой инструмент-мембранофон.

⁴ «And I Will Always Love You» – хит Уитни Хьюстон.

У меня перехватило дыхание, когда я впервые прочла эту цитату. Я перечитывала ее вслух. Всякий раз корявый мамин почерк рождал во мне ощущение наготы и незащищенности. Потом открытка с этой цитатой потерялась, а мама не могла припомнить, в каком номере «О» она была напечатана. Все следующее лето я перерывала подшивки «О» в городской библиотеке, ища доказательство, что этот абзац существовал, но так и не нашла его. Ищу до сих пор.

Письма от мамы я продолжала получать во время учебы в колледже. Я была одной из немногих студентов, у кого были причины подходить к своему почтовому ящику под конец дня. У мамы не было сотового телефона, пейджера или какого-либо средства общения в социальных сетях. Я сто раз говорила ей, что нужно завести мобильник, но она всегда отвечала мне одно и то же: «Я прожила на свете больше пятидесяти лет, и никому не приходилось меня искать. Так зачем начинать теперь?»

Я не понимала силы, заключенной в ее письмах, или причины, по которой она их присылала, пока не умерла бабушка. Я училась на первом курсе. Был сентябрь. Погода менялась. Все лето бабушка провела на больничной койке, в бреду. Она была как незнакомка, позаимствовавшая глаза у женщины, которую я любила. Я понимала, что мать и все ее братья и сестры просто ждут развязки, возможности говорить друг другу, что она наконец ушла в лучший мир.

Я вселилась в свою комнату в общежитии с уверенностью, что скоро мне позвонят насчет бабушки. Ты понимаешь, о каком звонке я говорю. Помню, как я сидела на ориентационной лекции в свой первый университетский вечер. Ведущие программы, облаченные в одинаковые наряды, гарцевали вокруг, брэнча на гитарах и читая рэп так, как умеют это делать только белые. Они заводили «разбивающие лед» задушевные разговоры, которые вынуждали нас раскрывать воспоминания о наших летних каникулах слой за слоем, точно луковичу. Когда пришел мой черед рассказывать о лете, меня так и подмывало сказать: «В это лето я узнала, как смерть разрушает дом. Кирпичик за кирпичиком. Дощечку за дощечкой. Смерть является, как рабочий, что встает на заре и весь день трудолюбиво разбирает человека, которого ты любишь всем своим существом. Она отколупывает и отвинчивает, пока не остается ничего, кроме костлявого остова и глазниц того, кого ты когда-то знал. Вот что я узнала этим летом. Хотите спеть об этом песню?»

Звонок раздался через три недели после начала семестра. За выходные я успела выслушать отца, сообщившего новость, затолкать в спортивную сумку всю свою черную одежду, приехать домой, попытаться замазать тушью опухшие глаза, обменяться дурацкими воспоминаниями с кузенами, посмотреть, как мою бабушку закрывают в гробу, и узнать, что тоска по человеку – это только самое начало скорби. Потом я вернулась в колледж, чтобы продолжить осенний семестр. Все случилось быстро, как срываешь пластырь, делая вид, что тебе не больно. Смерть – она такая: она может за сорок восемь часов научить тебя большему, чем ты узнаешь за всю свою жизнь.

Письмо от мамы пришло в золотом конверте всего пару дней спустя. Ее конверты никогда не составляли пару с открытками, но всегда были самых ярких цветов, какие ей удавалось найти в открыточном ряду. Серебряные. Индиго. Сиреневые. На лицевой стороне открытки было солнышко – золотое и расписанное по трафарету. Я стояла посреди университетского почтового отделения и жадно впитывала мамины слова:

На улице чудесно. На днях брали Скарлетт и Хлои на прогулку. Я начала плакать. В конце концов убежала в ванную, заперлась там и стала плевать на пол. Заплевала весь пол. В этом есть нечто освобождающее.

Я представила себе маму, выплевывающую слюнки на пол. Плюет и плачет. Плюет и плачет. Пытается плевками выпустить из себя печаль, выплеснуть на линолеум. Этот образ в моей голове выглядел жалким и отчаянным. Его было слишком тяжело видеть

девушке, которая прежде позволяла матери быть только сильной. Чуть ли не первый раз я осознала, что можно рассказать собеседнику совершенно иную историю, когда тебя поддерживает пространство бумажного листа. Ты можешь говорить вещи, которые, возможно, не нашла мужества сказать в другом месте. **Можно выпустить свою честность на страницу, а потом сложить ее и опустить в почтовый ящик. И прочь, прочь полетит отчет о твоих невзгодах.**

Это письмо по-прежнему остается самой дорогой для меня частичкой мамы, как тайна, которую знаю только я. Эта открытка провисела на стене моей комнаты все четыре года учебы в колледже. Я взяла ее с собой в тот день, когда отправилась в Нью-Йорк.

* * *

– Тебе нужна помощь? – спросила мама, когда я энергично выволокла чемодан со сломанным колесиком на платформу.

– Нет, – сказала я ей. – Сама справлюсь.

Она сделала попытку потянуться к ручке, но я рывкнула на нее:

– Мне нужно сделать это самой! А тебе нужно научиться отпускать меня.

Она притихла. Я была груба. Я начинаю рывкать, когда знаю, что грядет расставание. Я как будто замыкаюсь и захлопываюсь. Последнее, чего мне хотелось, – это чтобы мама поняла, как все это нелегко мне дается.

На самом деле мне предстояло оказаться всего в паре часов езды от нее. Но каким-то образом мы обе понимали, что на этот раз происходит нечто иное. Это не было похоже на то «до свидания», какое говоришь перед отъездом в колледж или летний лагерь. Это «до свидания» сидело в гортани очень долго и заставляло надеяться, что ты многому научилась у другого человека, чтобы не пропасть, когда будешь одна.

– У тебя есть все, что нужно? – спросила мама.

Я кивнула.

– Я приготовила вот это для тебя. Возьми в поезд. Если проголодаешься... – она вытащила из своей красной сумки толстый сверток в фольге и уложила его в боковой карман моей ручной клади. Даже не разворачивая мятый серебристый куб, я знала, что это два сэндвича с арахисовым маслом и мармеладом. Четыре ломтика цельнозернового хлеба. Арахисовое масло от «Торговца Джо». Малиновое желе.

Она вручала мне эти свертки из фольги все последние пятнадцать лет. Они были первой формой религии, которую я познала в своей жизни, еще до Библии и церковной скамьи. Несколько сэндвичей, которые она всегда носила с собой, чтобы раздавать голодным на улицах в Нью-Йорке. Она никогда не садилась в поезд, идущий в этот город, не взяв их с собой. Она научила меня быть отважной маленькой девочкой, которая подходила к бродягам и вручала им сэндвичи с арахисовым маслом и бананом. И сколько бы сэндвичей она ни упаковала для раздачи, всегда оставался один для меня. Это был ее способ сказать мне: «Этот день – твой, но в дороге ты проголодаешься». Все эти годы мы называли ее сэндвичи «липкой любовью».

Именно к этому моя мама всегда велела мне стремиться – к липкой любви. Она отличается от любви прижимистой. Это куда более редкий вид любви, чем тот, которым мог бы одарить тебя твой бойфренд в восьмом классе. Она большая и громогласная. Она превращает тебя в человека, который оставляет что-то после себя, когда разворачивается и уходит. И хотя никто не может ни коснуться ее, ни понять ее ДНК, зато каждый может различить – по тому, как изменилась в комнате атмосфера, – что что-то осталось.

* * *

Когда поезд подошел к перрону, мама потянулась ко мне, чтобы обнять.

– Я люблю тебя. Будь умницей. Будь осторожна.

Мы отступили друг от друга, и я зашагала к вагону.

Я так надеялась, что двигатель поскорее заведется и мы тронемся в путь. Мне нужно было, чтобы она уехала домой. Как я и говорила, прощания никогда не были моей сильной стороной. Я предпочла бы уезжать ночью. Оставлять записку. Быстро уходить, а не замирать в объятии. Я не хочу быть той, кто остается стоять на перроне. Это самое трудное, когда заводишь новых друзей и выделяешь им местечко в сердце: приходится «не иметь ничего против», когда они скажут, что им пора уйти.

Я пыталась разглядывать других пассажиров. Они сидели, уставившись в свои газеты. Там были бизнесмены в костюмах, которые на августовской жаре казались пыточными инструментами для удушения. В двух рядах от себя я заметила женщину, стоявшую на перроне. Она приложила ладони к окну и прислонилась лбом к тонированному стеклу. Это была моя мама. Она искала меня взглядом. Еще один последний разок.

Она выглядела достаточно безумной, чтобы напугать пассажиров, сидевших впереди меня, – с ее седой головой и откровенным отчаянием, написанным на лице. В этот момент она не была похожа на стихотворение. Она была похожа на человека, который не умеет сказать «прощай».

Мама шла вдоль поезда, от окна к окну, пока не добралась до соседнего с моим. Я откинулась на сиденье и сползла как можно ниже, чтобы она меня не заметила. **Если бы она нашла меня, то увидела бы, как с моих щек каплют слезы. Она поняла бы, что я боюсь всего, что мне предстоит.** Например, так и не найти смысл или упустить суть. Было ощущение, будто я упаковываю и складываю каждую эмоцию в тот же миг, как ощущаю ее, не желая взглянуть ей в лицо. Такие вещи становятся багажом, если не даешь себе время распаковать их.

Она несколько секунд вглядывалась внутрь вагона через окно, а потом вернулась к середине платформы – с красной сумкой на боку и в шлепанцах в тон. Я приложила ладонь к стеклу и стала мысленно писать ей письмо.

Мама!

Жизнь еще никогда не казалась такой ослепительной. Хоть ты и выглядишь чуточку смешно и жалко, расплющивая лицо о вагонное окно, мы обе знаем, что меня ждет яркая жизнь.

Это мой шанс заставить тебя гордиться мной, как никогда прежде. Я знаю, ты скажешь, что и так гордишься; что глупо делать своей жизненной мотивацией желание заставить кого-то гордиться. Но я ничего не могу поделать: я этого хочу.

Сейчас у меня есть шанс показать тебе, что я способна найти свое место в этом мире. Может быть, заодно найти и Бога. (Я знаю, что мы с тобой не всегда сходились во мнении на Его счет – как Он выглядит и чем пахнет. Но я все равно благодарю тебя за то, что ты дала мне объект веры, который есть нечто большее, чем мое собственное тело, даже если я его не вполне понимаю. Там, в Манхэттене, я не стану закрывать на Него глаза.)

Я знаю, ты беспокоишься за меня. Не потому, что думаешь, будто я ни на что не способна, а потому, что ты втайне всегда волновалась, что жизнь пролетит, а я так и не научусь топтать по лужам или влюбляться.

Могу пообещать тебе: я научусь. Если и есть на свете наставник в такого рода вещах, то им должен быть Нью-Йорк.

Спасибо, что отпустила. Даже если мы обе могли бы продержаться немного дольше, – спасибо, что отпустила меня.

С любовью,

Твоя девочка

Я никогда не говорила ей таких вещей в реальности. **Как много из того, что думаешь и хочешь сказать другому человеку, никогда не просачивается в реальную жизнь!** Эти вещи остаются запертыми в тайных комнатах внутри тебя. Они проживают короткую жизнь в сердцах людей, которые не имеют мужества сказать то, что они хотели сказать все это время. Некоторые люди уходят, и уезжают, и умирают, и меняются – а ты так и не собралась сказать им о своих чувствах.

Мама побрела прочь с платформы. Поезд медленно тронулся. Я смотрела, как ее силуэт на платформе становится все меньше и меньше. Выдыхая, я проговаривала безмолвные обещания, надеясь, что они вылетят из окон поезда, идущего на юг, и запутаются у нее в волосах:

– Я постараюсь дать тебе повод гордиться мной. Очень гордиться.

Пунктирные линии и места назначения

Есть распространенная легенда, которую рассказывают о девушках, приехавших в Нью-Йорк вслед за своими мечтами. Их дни состоят из долгих рабочих часов, заполненных до последней секунды фашистками – редакторами модных журналов, тасканием вешалок с моделями осенних подиумов и десятками поручений, которые нужно выполнить. Все это они делают, балансируя картонным подносом с обжигающим латте на тоненьких, как карандашики, каблукках. Героиня таких рассказов прекрасна трудноуловимой красотой. Известно, что она неуклюжа и стеснительна, но вклинивается в любой разговор с поразительной целеустремленностью. Она знает, чего хочет. Во многих отношениях она – аутсайдер. И еще у нее есть мечта, неукротимая, поблескивающая в ее глазах.

Я вызубрила этот сюжет наизусть, проглотила его целиком. Не один год я упивалась этой историей, словно она была десертной тарелочкой, которую я никак не могла вылизать дочиста. В тот день, когда вышел на экраны фильм «Дьявол носит «Прада» и все мы смогли прикоснуться к вожделенному, как Святой Грааль, узенькому глазку в мир модных журналов, мой голод стал еще сильнее. Я мечтала о длинных списках дел в ежедневниках, еще более длинных днях – и о такой роли, которая вознесет меня на вершину в моей сфере деятельности путем пихания локтями и тяжелого труда. Я хотела быть девушкой из Нью-Йорка, которая умеет подзывать такси легким мановением руки, переходить через улицу с безрассудной отрешенностью и щеголять новинками из модных коллекций, зная, что у черного цвета бывает много оттенков.

Но было в этих историях нечто, неизменно неприятно задевавшее меня. Они оставляли глубокое беспокойное чувство. В самом конце героиня – каковы бы ни были ее стремления и амбиции – всегда влюблялась. Да, она влюблялась или ее любовь рассыпалась на части, а потом снова склеивалась; но заключительные сцены всегда изображали ее с кем-то вместе. Я проходила с ней весь ее путь, сжимая подушку и думая: «Это же я, это я!» – но чувствовала себя покинутой в конце фильма.

В мире, который навязывал мне убеждение, что я должна непрерывно искать «того самого единственного» – и найти недостающий кусочек головоломки небес в море голубых аппликаций из картона, – я хотела чего-то иного. Никто не виноват, что мы так устроены. **На свете хватает фильмов, книг и рекламы, чтобы убедить всех одиночек, будто мы – недостающие фрагменты.** Будто мы еще не прибыли к месту назначения. Будто мы должны поспешить, чтобы встретить кого-то, даже если сами беспомощно барахтаемся, силясь понять хотя бы свою роль в этом сюжете. Мне нужна была такая любовная история, которая заставила бы меня остановиться и сосчитать морщинки на руках саксофониста в Центральном парке. Сказать «спасибо» от чистого сердца. Чувствовать нутром, что есть причина тащить свои чемоданы по станции Центрального вокзала, чтобы едва поспеть на тот поезд. Просыпаться, веря, что для меня возможно волшебство. Я хотела найти в этой жизни нечто такое, что заставило бы меня понять ее смысл.

Я хотела жить внутри жизни, которая бы говорила: «Девочка, вся эта растреклятая штука – твоя любовная история. Это не трагедия. Это не песня жертвы, не пустой блокнот, ждущий ручки, которая что-нибудь в нем напишет. Это любовная история, готовая взобраться на те дурацкие замковые стены, которые ты сама выстроила. Так что, детка, давай-ка спускай свои косы».

* * *

Однако вначале был один парень. Такая вот простая реальность: я влюбилась в парня, который так и не выбрал меня. Не самая красивая история, не из тех, что рассказывают за ужином в День благодарения или раскрашивая пасхальные яйца вместе с родственницами. Но это была история, которую я несла в себе в тот момент своей жизни.

Я познакомилась с ним в последний семестр учебы в колледже. Хаотический и беспорядочный конец последнего курса напоминает зону военных действий. Он похож на «Голодные игры» – всеми своими резюме, ярмарками вакансий и прощальными банкетами. Все пускают в ход зубы и когти, только бы растянуть этот семестр подольше. Совершают всевозможные иррациональные поступки. Начинают признаваться в любви друг другу, потому что (а) думают, что другого шанса не представится, (б) просто отчаянно хотят уцепиться за кого-нибудь, кто, как им кажется, сможет удерживать их дольше, чем эти жалкие несколько дней, оставшиеся до тех пор, пока в двери не вломится, громко топоча, «реальный мир».

Ох уж этот «реальный мир»! Так мы и называли его до самого выпускного. Это были табуированные слова, которые никому не было позволено произносить вслух. Все равно что говорить о Волан-де-Морте прямо посреди Хогвартса. Мы покупали костюмы для рабочих собеседований. Мы готовили резюме и учились балансировать сырными тарелками и винными бокалами, передавая визитные карточки, чтобы выглядеть непринужденно на slash-мероприятиях. Мы на цыпочках обходили тему «что дальше», сидя за пивом *Natty Ice* и вином *Barefoot*, пока кто-нибудь не напивался и не начинал плакать. Пока выпускной угрожающе маячил вблизи, кто-нибудь всегда брал на себя обязанность утихомирить дружеский круг.

– Тс-с-с... Мы больше не будем об этом говорить, – говорил этот кто-то. – Нужно перестать думать о «реальном мире» и просто наслаждаться моментом.

Все мы пытались избежать неизбежного: «Что дальше?»

* * *

Его звали Райаном. Мы познакомились на лекции по английскому. Он попросил у меня листок из блокнота. Этот листок с перфорацией по краю словно стал мостиком между нами. Он дал импульс всему остальному: мы случайно вместе вышли из аудитории, случайно начали разговаривать о заданиях и других поверхностных вещах. Мне понравилось, что у него розовело все лицо, когда он смеялся. В половине случаев я не собиралась идти туда, куда шел он, но выдумывала причины, только бы поговорить с ним подольше. Без особых стараний те десять минут между 10:20 и 10:30 утра – когда мы шли, разговаривая, туда, куда мне не нужно было идти, – стали лучшей частью моего дня.

Однажды вечером мы сидели в моей машине – я предложила подвезти его к дому, где он снимал квартиру. На улице лило как из ведра. Ехать было всего две минуты, но разговор все не кончался. Мотор работал вхолостую. Я выключила зажигание. Общение шло без каких-либо усилий. Дождь не прекращался. Щеки мои горели. Я боялась даже шевельнуться, боялась, что все это уйдет. Его губы продолжали двигаться, но у меня было ощущение, будто я сама исчезла. *Неужели такое на самом деле может случиться? Неужели можно просто познакомиться с человеком – втянуться в разговор, который, кажется, длится и одну секунду, и целое десятилетие на одном дыхании, – и ты больше никогда не будешь прежней? Может ли контакт с незнакомым человеком быть настолько мощным?*

Все мое нутро перевернулось. Когда я пишу «нутро», я на самом деле имею в виду «сердце». Никак не пойму, почему люди говорят, что чувствуешь что-то в сердце, когда в

действительности просто нервничаешь так, что могла бы облевать другого человека с ног до головы. Во время этого разговора мое нутро завязывалось в узел. И именно нутро перевернулось, когда он произнес ее имя.

У нее было имя. У него уже была девушка. У них была история. И пока он рассказывал мне все больше и больше о своей подруге, я не находила в себе ни гнева, ни даже ревности. Я просто неотвязно думала про себя: *Вот счастливица! Какая она счастливица, что у нее есть ты!*

Пока он говорил о ней, внутри меня шевельнулась крохотная надежда, что когда-нибудь кто-нибудь где-нибудь будет так рассказывать обо мне. Его щеки будут гореть, а глаза станут во-от такими большими. Я знала, что хочу этого.

Надежда. Глядя, как он в тот вечер выбирался из моей машины и бежал к своему дому, я полагала, что этим чувством была надежда однажды обрести нечто подобное. Надежда донесла меня до двери моей квартиры, и мне было было наплевать, что дождь залил мне все лицо. Я думала, что это просто надежда. Но когда я в тот вечер скользнула в постель и попыталась уснуть, на меня накатило неожиданное чувство печали. Это было такое пустое, полое чувство. Какая-то часть меня жалела, что я не успела стать для него первой. Мне как будто хотелось, чтобы история переписала себя. Типа, проспишь ночь и, может быть, утром обнаружишь под подушкой другой сценарий, точно в детстве – долларовую бумажку взамен утраченного переднего зуба.

* * *

Я ни в коем случае не хотела быть той, другой девушкой. Это была не та героическая программа, которую я составила для себя. Я довольно быстро усвоила, насколько неприятна такая ситуация. Легко окружить себя подругами, которые станут говорить тебе: крепись, в конце концов ты победишь. Они будут сидеть рядом с тобой и препарировать все фото из Фейсбука, проверяя, ближе или дальше друг к другу стоят эти двое, чем на предыдущей фотографии. Я оглядываюсь назад и думаю, что это своего рода безумие – то, что мы живем в культуре, которая приукрашивает привычку красть «кого-то» у другого человека. Внутри этой ситуации нет ничего красивого. В ней очень пусто, особенно когда ты пытаешься заснуть, а истина воркует тебе на ухо: *Это просто оказалась не ты, девочка. Это просто не ты.*

Не важно, как на это смотреть: это было слепящее глаза крушение поезда, столкновение между двумя людьми, которые не знали, как отказаться друг от друга раз и навсегда. Я думала (и почти каждая клеточка моего мозга стояла навтыжку в ожидании), что он бросит ее. Поэтому я распахнула для него двери, которые поклялась никогда не открывать. Я выложила на стол свои комплексы, точно игральные карты. Я делала вид, что я и есть единственная. Но – нет, я никогда не планировала быть той, другой девушкой.

* * *

Я планировала быть той, кто меняет мир, если ты можешь в это поверить. Той, кто оказывает влияние. Я собиралась быть всем тем, о чем, как я думала, можно сказать человеку, задавшему вопрос: «Чем ты планируешь заниматься после колледжа?» – так чтобы он, услышав ответ, не посмотрел на тебя странно.

Оказывается, «менять мир» – недостаточно хороший ответ для большинства людей. Так что я начала привыкать говорить людям, что после колледжа собираюсь год прослужить волонтером.

Такие программы есть во всем мире. Некоторые называют волонтерский год «годовым перерывом», но мне никогда не нравилось это название. Оно заставляет рисовать в воображении человека, нажимающего в своей жизни такую здоровенную кнопку «пауза», в то время как многие в свой волонтерский год находят свою судьбу. Ты добровольно отказываешься на год от зарплаты и делаешь шаг в тот слой общества, которому мало кто служит. Ты целый год живешь вместе с другими волонтерами и строишь с ними совместную жизнь из вещей и понятий, которые, вероятно, навсегда останутся близкими только вашей компании.

Люди все равно смотрели на меня странно, когда я говорила им о волонтерском годе, словно на их глазах из моей головы вылезали маленькие зеленые антенны инопланетян. Мол, и охота же мне заниматься такими вещами!

– Это как Корпус мира, – приходилось мне говорить, а потом ссылаться на статью из «Нью-Йорк таймс» о повышении заработка во время волонтерского года. Мои собеседники сдувались на глазах.

– Ах! Корпус мира. Ты такой положительный человек... – и вскоре разговор угасал сам собой.

* * *

Поначалу я думала, что займусь международной работой. Я влюбилась в одну маленькую школу в Порт-о-Пренсе, столице Гаити, где дети резвились на лужайках в голубой форме оттенка поспевающих на солнце ягод. Я буду учительницей целый год, стану жить вместе с детьми в пансионе...

Вечером накануне одного из последних собеседований, посвященных школе на Гаити, я тараторила с пулеметной скоростью, рассказывая об этой возможности одной из моих подруг по школе, девушке по имени Джен. До Рождества оставалось два дня, мы сидели в городском «Старбаксе». И, как бывает со старыми подругами, мы грели ладони о свое латте и наводили мосты в жизнь друг друга, пересказывая все истории, которые приключились за учебный год между сентябрем и сегодняшним днем.

Мужчина, сидевший через столик от нас, все время пытался привлечь наше внимание и втянуть нас в разговор. Я совершенно убеждена, что он был сумасшедший. И пьяный к тому же. Он все порывался показать нам то ли купленное им обручальное кольцо, то ли еще что-то. Джен вдруг решила, что нас похитят. Мужчина не переставал приставать к нам. И вдруг ни с того ни с сего два человека с другого конца кофейни принялись махать нам руками.

– Сэм! Вероника! – воскликнула женщина за дальним столиком, продолжая махать нам. «Сэм» – это, по всей видимости, должна была быть Джен. А мне, скорее всего, предназначалось имя «Вероника». – Девочки! Сколько лет, сколько зим! Давайте-ка сюда!

– Сэм! – пискнула я, подыгрывая плану этой женщины. Я подтолкнула Джен, мы обе схватили свои чашки и перебрались за ее столик, где безумец с обручальным кольцом больше не мог вклиниться в наш разговор.

– Отличная идея, – сказала я женщине, когда мы обе уселись.

– И вы ее поняли, – кивнула она в ответ. А потом, словно никто никого не спасал, она и ее спутник занялись прерванным разговором. Мы с Джен продолжили болтать о моем волонтерском годе. Когда с моих губ слетело слово «Гаити», глаза женщины сузились, и она уставилась на меня.

– Ты? – переспросила она – Ты подумываешь о том, чтобы преподавать на Гаити?! – Вся ее повадка изменилась. Взглядом она пронзала меня насквозь.

– Ага! Это десятимесячная программа в Порт-о-Пренсе. Жить и работать с детьми на территории школы...

– О, нет-нет-нет! – перебила она. – Такая красивая девочка, как ты? Тебя похитят, убьют и продадут на черном рынке. Твои родители никогда больше не увидят ни тебя, ни твои органы!

Мужчина напротив нее молча смотрел в свою чашку, вертя ее в руках, а она продолжала рассказывать, что у ее дяди были плантации на Гаити. Она видела там такое, что хуже и представить себе нельзя. Я пыталась защищаться, но она становилась все настойчивее.

– Нет! – снова и снова повторяла она мне. – Стоит тебе сойти с самолета – и больше тебя никогда и никто не увидит.

Несмотря на это дурное предзнаменование, явленное мне посреди «Старбакса», я все же пошла на последнее собеседование, стараясь держать свои почки поближе к себе. Я узнала, что с территории школы выходить запрещено. Физическая активность будет присутствовать в основном в виде рытья ям во дворе или пробежек по периметру территории (когда скоро на то хватит энергии в прошибающий потом зной). «Топливо» будет поступать в виде углеводов, и в большом количестве. Спагетти на завтрак. Возможно, на обед. И наверняка на ужин. Спагетти там. Спагетти сям. И там и сям спагетти нам... У меня было ощущение, будто кто-то раз за разом бьет меня кулаком в живот, пока я отвечала на вопросы рекрутера, уже зная, что это не мое.

В конце концов я вытащила свое заявление из общей стопки... а всего пару дней спустя смотрела на экране телевизора, как город Порт-о-Пренс опустошает землетрясение. Я никогда не узнаю, был ли то какой-то знак, было ли это подтверждением – более значимым, чем бесконечные спагетти... И я вернулась к поискам места, которое могло бы принять меня после того, как колледж выпихнет меня в мир.

* * *

Через пару дней после Рождества я встретила с подругой, которая уже наполовину отработала свой волонтерский год в Чикаго, обучая детей обращению с компьютерами. Она никогда прежде не отличалась любовью к информатике, но по тому, как начинали светиться ее глаза, когда она рассказывала об этой работе, я поняла, что она на седьмом небе от счастья. Право, это было заразительно. Я буквально видела, как ее дух воспаряет, когда она говорит.

– Это трудно, – говорила она, гоняя по столу пустую бумажную чашечку из-под кофе и отщипывая кусочки от ее краев. Мы говорили в том самом «Старбаксе», связанном со столькими воспоминаниями. Вокруг сидели фрилансеры, отрывшие себе маленькие территориальные норки в пространствах кофейни, бизнесмены шуршали страницами «Нью-Йорк Таймс», прежде чем отправиться на работу. – Придется многим пожертвовать, а это нелегко. Общество – это тебе не фунт изюму. Но оно того стоит. Я прямо чувствую, как меняюсь.

– И в Бронксе есть отделение этой службы? – спросила я. – В твоей программе, верно?

– Ага, одна моя подруга работает там в детском саду. Еще две были учителями, и есть один знакомый в ООН.

– Ух ты, такое же сокращение, как у Организации Объединенных Наций?

– Это она и есть. У ООН есть маленькая негосударственная организация, и один из участников программы должен быть ее представителем в Нью-Йорке. Мой знакомый – такой представитель. Ходит от их имени на встречи, сидит на презентациях. Прodelывает всякие другие крутые штуки, о которых надо писать отчеты в миссию.

Я жила бы в Бронксе, в Нью-Йорке. Я работала бы на Манхэттене как представитель организации по правам человека при Организации Объединенных Наций. Когда я услышала эти три буквы, стоящие бок о бок, – *ООН*, – возникло ощущение, что весь остальной мир замер.

– То есть... то есть ты имеешь в виду, что я могла бы подать заявление на это место? – спросила я.

– Можно попробовать, – ответила она. – Оно определенно стоит того, чтобы попытаться.

Я хотела заниматься тем, что мне нравилось. Но еще больше меня заботила необходимость устроиться на рабочее место, прочное и основательное. Я мечтала, чтобы на церемонии присуждения наград в колледже перед вручением дипломов люди кивали и говорили: «Ну, она-то точно не пропадет». В те времена это было для меня достаточной причиной, чтобы гнаться за этими тремя буквами – *ООН*. **Я хотела заставить людей мною гордиться. Я не хотела затеряться в толпе.**

* * *

Когда пришло электронное письмо с извещением о том, что я принята на должность в ООН, первым делом я сказала об этом Райану.

Короткое сообщение информировало меня, что я должна переехать в нью-йоркский район Бронкс в августе. Неделью перед переездом мне предстоит прожить в Филадельфии, где будет проводиться профориентация. Там я познакомлюсь с двадцатью шестью другими волонтерами. Четверо из них станут моими соседями по квартире. Остальные поедут в Чикаго, Массачусетс, Сан-Диего, Перу и Южную Африку. Миссия у нас будет одна и та же, в каком бы районе мира мы ни оказались: служить людям и учиться любить их сильнее, чем кажется возможным для человека.

Составив в Бронксе общину из пяти человек, мне и моим соседям по квартире предстояло научиться вместе составлять бюджет, вместе столоваться и вместе служить обществу. Каждый из нас должен был получать еженедельную стипендию в 25 долларов, работая на своем месте. Двое из моих соседей собирались преподавать иммигрантам английский как второй язык (*ESL*). Еще одна девушка отправлялась на работу в приют для матерей-одиночек. Мне единственной предстояло выезжать за пределы Манхэттена по делам в нашей организации при ООН. Это нельзя было назвать типичной нью-йоркской жизнью, но я была готова на что угодно, только бы бросить якорь в этом городе.

Когда я послала Райану SMS с этой новостью, он сразу же приехал и отыскал меня в столовой кампуса. Я до сих пор помню, как он заключил меня в объятия прямо посреди очереди. И помню я это в основном потому, что увидела рядом свою лучшую подругу, когда он прошептал одними губами: «Я так горжусь тобой!» А ведь я ей еще ничего не рассказывала... Он был единственным, кому мне пришлось в голову сообщить новость. Угрызения совести пронеслись сквозь меня со всей мощью призывного клича, какой издают спортивные команды Алабамского университета.

* * *

Позже в тот же вечер мы с ним стояли у окна, из которого открывался вид на университетский кампус. Я до сих пор помню его взгляд, когда я встала из-за стола, на котором лежали наши письменные работы и учебники, все еще ошарашенная волнениями этого дня. Всего пару недель назад этот кампус казался большим – достаточно большим, чтобы мне не хотелось его покинуть. И вот я вдруг почувствовала себя Златовлаской, с удивлением говорящей «он слишком мал», глядя в окно на дорожки, которые знала наизусть.

– Не могу поверить, что у меня получилось, – сказала я Райану.

– А я могу, – возразил он. – Ты уже переросла это место. Я вижу, как ты разговариваешь с ребятами, и всегда думаю: *она уже ушла*.

Я бросила на него взгляд. Когда я была младше, я думала, что мне нужен как раз такой парень, который наблюдает за девушкой, пока она не видит, и хранит в памяти всякие мелочи о ней. Я подумала обо всех моих странностях и привычках, которые он мог знать, никогда не признаваясь в этом. О том, как они будут брэнчать в его кармане, словно мелкие монетки, когда мы разойдемся в разные стороны и двинемся каждый своим путем.

– Я так долго этого хотела! Этот город, эту работу... все это. Я знаю, что будет трудно, очень трудно. Но хочу этого больше всего на свете.

– Ну, теперь это у тебя есть. И ты отлично справишься, – он улыбнулся мне. – Я хочу знать, как повернется твоя история.

Я хочу знать, как повернется твоя история.

Я попыталась сделать вид, что он этого не говорил.

Я хочу знать, как повернется твоя история.

Я четко уловила этот момент. Именно там – в центре этого мгновения – я осознала, что Райан никогда не будет частью моей истории. Теперь я понимаю лучше, чем понимала в тот вечер, стоя у окна и молясь о том, чтобы время остановилось: **одни люди – пунктирные линии, а другие – пункты назначения**. Одни люди приводят тебя куда-то, а другие – это просто некое место бытия, вещь в себе. Но невозможно заставить пунктирную линию превратиться в место назначения. Жизнь не так устроена.

И все же мы продолжали в том же духе. Пожалуй, слишком долго. Всем своим подругам я приводила одно и то же обоснование, почему меня устраивает это пребывание в вакууме: *Есть шанс. Нет шанса. Есть шанс. Нет шанса*. Теперь я не удивляюсь, что люди так долго медлят, полагая, что серая история как-бы-любви вполне может их устроить: иногда просто хочется получить те крохи, которые нам достаются. Я хотела быть избранной. Я хотела победить. Любовь – вообще не та игра, в которой можно победить, но как же мне этого хотелось!

Было ощущение, что при каждой нашей встрече и двух-трехчасовом разговоре мы ищем какое-то решение, какой-то способ удержать друг друга в своей орбите. Не уверена, что в результате это закончилось бы любовью, даже если бы исчезли все препятствия. Может быть, это просто свойственно человеческой природе – изо всех сил держаться за людей, которые способны переворачивать все внутри тебя, точно двигая мебель. Однако этого не всегда достаточно, чтобы продлить отношения. Мы получим дипломы. Мы разъедемся. Мы отпустим друг друга.

* * *

– Тебе придется устроить мне экскурсию по городу, – сказал он мне однажды вечером за неделю до вручения дипломов. Помню скрип маркеров по странице, когда мы сидели рядом в библиотеке. Был час ночи. Я могла выглянуть из окна учебного центра, в стенах которого мы нашли себе прибежище, и увидеть студентов, засыпающих над своими книжками.

Мы над чем-то смеялись. Хохотали неистово – до слез. Он опустил голову на компьютерный столик и сказал эти слова – мол, он приедет навестить меня, когда будет в Нью-Йорке.

Я подождала, пока осколки его усталого смеха осыплются на землю. Перестала смеяться. Оттолкнула свое кресло от стола.

– Ты ведь знаешь, что этого не будет, верно?

– Чего? – он растерянно посмотрел на меня.

– Нас с тобой. Мы не из тех, кто потом «встречается выпить по чашечке кофе». У нас бы так никогда не получилось. – Я захлопнула учебник и начала собирать разбежавшиеся по

столу листы бумаги, свидетельства того, что я когда-то писала курсовую по теме «Постколониальная политика». – После сегодняшнего вечера мы с тобой больше никогда не увидимся.

Я надеялась, что ему будет больно, когда говорила это.

Я даже не задержалась, чтобы увидеть выражение его лица. Просто развернулась и вышла из библиотеки. И побрела вверх по холму к дому, где была моя квартира. Он шел за мной по пятам.

– Мы можем поговорить об этом, – предложил он. – Не обязательно вот так все бросать.

Но нам больше не о чем было говорить. Я уже попросила его отпустить меня. Это было прощание. Поэтому я держалась, хотя хотелось кричать. Мне хотелось доползти назад в прошлое до той стартовой точки, с которой мы оба могли бы согласиться. Стартовая точка для него и меня была очевидна: некоторые вещи не следует даже начинать. **Некоторым людям не следует звать друг друга по имени.** Им не следует останавливаться, разговаривать и смеяться в пустых коридорах, где живет эхо. Неважно, насколько их дружба похожа на стихотворение или насколько они подходят друг другу, точно детали головоломки, – некоторым людям лучше оставаться на расстоянии того мимолетного взгляда, который никогда не приводит к знакомству.

Мы сорвались на скандал у перекрестка между моим и его домами. Было почти два часа ночи, и мы ссорились посреди улицы, стоя на двух желтых линиях разметки, которые бежали параллельно, нигде не соприкасаясь, по всему кампусу. Мы все спорили и спорили по поводу нашего прощания: как оно будет выглядеть и какие чувства будет вызывать, – когда мы наконец сделаем это всерьез.

– Ничего бы у нас не получилось, – наконец перебил меня он. – Тебе суждено уехать туда и делать большие дела, Ханна. Но тебе суждено делать их в одиночку. Ты должна ехать в Нью-Йорк одна.

* * *

Одна.

Это слово вломилось в меня тараном. Не осталось других слов, которые я могла сказать. Он говорил мне то, что я уже знала. Произнесенное наконец «прощай» стало освобождением от страхов, которые стояли за этим словом, освобождением, которое обрушивалось на меня: *Я боюсь уезжать. Я боюсь меняться. Я боюсь ехать одна. Я боюсь, что ты меня забудешь. Я боюсь узнать, что меня можно забыть.*

Но, может быть, именно для этого люди входят в твою жизнь – чтобы опрокинуть тебя и выплеснуть. Может быть, они врываются в твою жизнь только для того, чтобы сказать тебе, что их здесь не должно было быть. Что ты не можешь взять с собой их – и вообще никого, – куда бы ты ни направилась дальше. Может быть, не каждый человек, которого мы встречаем, – любовная история. Может быть, некоторые из этих людей – просто звонок будильника.

«Одна». Это слово возвращалось и возвращалось ко мне, когда мы с моими новыми соседями ехали по шоссе I-95 в Бронкс. Мы провели неделю на профориентации в Филадельфии и совсем недавно впервые увидели друг друга. Поэтому разговор по дороге был полон новых сведений: любимых блюд, лучших воспоминаний из университетской жизни, общих тем и способов употребления кофе. Но в машине постепенно воцарилась тишина, когда мы увидели небоскребы и здания на горизонте.

Мы ехали через реку в Бронкс. Вот был бы идеальный момент для явления Фрэнка Синатры – когда все мы сгрудились в машине, до отказа набитой нашим багажом. Наш новый дом открывался перед нами. Все изменится. Мы изменимся. Жизнь набросится на нас со всех сторон. Мы не так уж много могли бы предсказать. Но жизнь начнется заново, точно

после нажатия кнопки «перезагрузка». Я понесу с собой дальше бо́льшую часть того, что донесла до этой точки, но все остальное будет новым. *Новым, новым, новым.*

Нам нужно новое «после»

Есть секрет, прячущийся за поджатыми губами г-жи Столицы – города Нью-Йорка, – но придется некоторое время обхаживать ее, чтобы она раскрыла его. Сперва она позволит тебе думать, что не похожей ни на одно другое место делают ее огни, здания и бетонные джунгли, в которые она превратилась за последние несколько десятилетий.

Но если ты проведешь побольше времени в объятиях Нью-Йорка, он доверит тебе свою тайну. Наклонится к твоему уху и приложит ладонь ко рту, шепча: «Тссс... Дело в людях. Вот что делает меня тем, что я есть. То, как каждый здесь несет свою историю. Это истории любви и утраты, скорби и открытий. Истории кроются в том, как люди складывают руки в подземке, истории бьют в барабаны и громяхают по моим авеню, когда пассажиры вываливают толпой с вокзала утром в понедельник».

Да, этот город совершенно определенно «делают» люди. Потому что Нью-Йорк – город не случайный. Люди попадают сюда целенаправленно. Они специально обставляют свое появление. Они уезжают со странным чувством утраты. **Я еще не встречала ньюйоркца без истории.** Это не тот город, который выбираешь на карте с закрытыми глазами, говоря: «Давай-ка найдем местечко с дешевой арендой и соседями, которые жаждут прийти к нам с блюдом жаркого на новоселье. О, вот это, кажется, неплохое!»

А еще Нью-Йорк – это детали. Да, если обращать внимание на детали, то Нью-Йорк почти на каждом углу будет осыпать тебя моментами, которые шокируют и меняют человека и заставляют снова поверить в стихию неожиданности. Он полон людей, которые понятия не имеют, что на самом деле они – произведения искусства для других прохожих. Их, вероятно, тысячи – тех, кто направляется домой, чувствуя себя ничемными неудачниками и не осознавая воздействия, которое они оказали в тот день на других, просто выйдя в мир и встретившись с ними лицом к лицу. Тех, кто не догадывается, что они – прекрасный солнечный зайчик в чьем-то чужом обыденном дне.

Мне нравится представлять, что детали Нью-Йорка, рассыпанные перед тобой для ознакомления, это его способ сказать: «Эта штука, жизнь, которая у тебя есть, – подарок. Я не бетонный. На самом деле я – посадочная площадка для всех жизней, которых ты можешь коснуться».

* * *

У меня и моих соседей не было обычных трудностей, с которыми сталкиваются ньюйоркцы. Не было ожесточенных споров, в каком районе поселиться, выбора квартир через «Крейгслист» методом проб и ошибок, страшноватых соседей со странными привычками. Не было рассуждений, которые я наблюдала у своих подруг, вроде: *«Ладно... я живу в обувной коробке. Да, это настоящая обувная коробка без окон. И мне придется украсить ее чудесными суккулентами, которые я куплю в «Здоровых продуктах».*

Наша квартира уже ждала нас, и за нее было заплачено. То была приятная часть нашего волонтерского года: расходы на жилье покрывались, и нас просили только не тратить больше 25 долларов в неделю. Это оказывается гораздо проще, если подходить к ситуации как к некоему испытанию из «Последнего героя». Имея лишь 25 долларов, можно стать по-настоящему изобретательной.

Я гораздо лучше справилась с задачей не тратить деньги, чем предполагала, но должна приписать эту заслугу книге, которую в то время читала. Во время профорientации руководители программы раздавали нам экземпляры книги «Неотразимая революция». Она была рекомендована к прочтению в наш волонтерский год. Я проглотила ее залпом за летние кани-

кулы. Кто-то другой удовлетворился бы тем, что прочел эту книгу и отложил ее в сторону. Но меня она раскатала, точно катком, и я уже почти составила план: раздать всю свою одежду, перестать носить обувь и перебраться в Уганду, чтобы нянчить сирот. Я была железно уверена, что должна сжечь все свои пожитки, когда переступлю границу Бронкса.

Эта книга начала раскатывать меня еще до того, как я переехала, а конкретнее – во время одной из моих предотъездных вечеринок. (Я говорю «одной из», потому что их было то ли три, то ли четыре. Всякий раз, когда мы с подругами заваливались в наш любимый бар со сдвинутыми хвост к хвосту роялями, я требовала сыграть *Empire State of Mind* и садилась на крышку рояля, в то время как пианисты громко запевали: «Ханна переезжает в Нью-Йорк! Попрощайтесь с нею все вместе!» Так что снова и снова получалась прощальная вечеринка.) Первую половину того дня я провела за чтением этой книги и наткнулась на рассказ о матери Терезе и о том, что у нее были искалечены ступни ног. А ведь за все те годы, когда я воображала ее у себя в гостях за чаем, мне ни разу и в голову не пришло взглянуть на ее ноги.

Эта легенда рассказывает, что она дожидалась доставки в Калькутту груза обуви для уличных детей. Мать Тереза – поскольку она была святая и т. д. – весь следующий день раздавала обувь маленьким босоногим ребятишкам. Она безмолвно ждала, пока почти вся обувь не кончится, а потом втискивала ноги в последнюю оставшуюся пару. Если она была маленького размера, мать Тереза утешалась тем, что у нее хотя бы есть подметки. Долгие годы, на протяжении которых она истоптала всю Калькутту в слишком тесных туфлях, деформировали ступни этой женщины.

Эта история захватила меня и держала так крепко, что некоторое время я ни о чем ином не желала разговаривать. Я стояла в центре пиано-бара, глядя, как окружающие нещадно строят друг другу глазки, и не могла думать ни о чем другом – только обо всех тех вопросах, которые задала бы матери Терезе, будь она по-прежнему жива.

Какой-то парень в тот вечер угостил меня и сказал, что ему нравятся мои ноги. Я тут же воспользовалась тем, что он затронул тему этих частей тела, чтобы начать рассказывать о ступнях матери Терезы. Стоит ли говорить, что больше он меня не угощал. Но все то время, пока я слушала его (прежде чем самой заговорить о ступнях), я представляла, как вручаю матери Терезе кружку с чаем латте и засыпаю ее вопросами: «Как вы это делали? Как – о, как вы заставляли этот надломленный мир вращаться на энергии вашей любви? Как вы любили прокаженных, мама Тереза? И как вам удавалось так крепко сжимать отверженных в своих объятиях?»

Иногда мне казалось, что она покачает головой и ответит мне: **«Как ты можешь надеяться полюбить весь этот мир, если не умеешь выглянуть за пределы самой себя? Ты даже не знаешь, как правильно любить других людей».**

В другие моменты я воображала, что она будет ласкова, коснется моей руки, улыбнется всеми своими морщинками и скажет: «Милочка, милочка, тебе нужно научиться быть светом. Не кратким проблеском. Не чем-то вроде электрической лампочки. Но одним из тех светочей, которые зажигали на вершинах гор, чтобы указывать людям путь домой. Вот какого рода светом тебе нужно стать».

* * *

Вот в чем состоит важная сторона волонтерского года: наша цель – по крайней мере, одна из многих целей – переключиться с я-перспективы на мы-перспективу. Перенестись из конца алфавита ближе к его середине. *Мы*. Жизнь, посвященная другим, а не самому себе. Во время профорientации нам рассказывали, что стоит принять для себя мы-перспективу, как все остальное естественным образом находит свое место на втором плане.

Жить жизнью, в которой ты сама и то, чего ты хочешь, отходит на задний план... Со стороны все это кажется романтическим, бескорыстным и благим делом. Но есть большая разница между разговорами о том, что ты всегда хотела помогать другим и быть лучшим человеком, и тем, чтобы разом от многого отказаться и попытаться воплотить это в жизнь. Задний план – трудное, жесткое, мучительное место пребывания, особенно в культуре, которая учит нас всегда быть на переднем плане, в центре и в огне.

Однако в том районе, где мы жили, нам было легче отыскать этот самый задний план, чем в большинстве других мест. Нижний этаж нашего многоквартирного здания занимал иммиграционный центр, в котором двое из моих соседей должны были вести курсы английского языка.

Иммиграционный центр св. Риты был создан для обслуживания новых жителей Бронкса – в основном вьетнамцев и камбоджийцев. Многие иммигранты, которые приходили сюда, прибыли в Америку в надежде на лучшее будущее. Средоточием всего этого была сестра Джин Маршалл – женщина, которая, по-видимому, расчистила завалы в своем сердце, чтобы освободить место для других людей, а точнее – для жителей этого района. На стене висела ее фотография с Биллом Клинтоном, сделанная, когда она стала одной из пяти американцев, удостоенных премии Элеоноры Рузвельт за выдающуюся деятельность в области защиты прав человека. Часто по утрам я выскальзывала из-под белого стеганого одеяла и спускалась на три лестничных пролета, чтобы сесть в холле центра и вести записи в дневнике, прежде чем начнется рабочий день. Мне нравилось его безмолвие. Мне нравилось сидеть посреди этого обширного пространства и воображать, как всего через пару часов центр заполнится людьми. Словно сами стены этого места придавали мне сил для нового дня. Немногие люди могут сказать, что нижний этаж их дома служит еще и источником сердцебиения для сотен людей из бедных кварталов.

* * *

В тот первый день мы вкатили свои чемоданы вверх по трем пролетам лестницы и начали распаковывать и размещать свою жизнь в спальнях, к которым вел длинный коридор. Я бы рада была рассказать тебе, читатель, о цвете ковров или фактуре стен, но тут-то память – или та ее часть, которая любит находить смысл в каждой детали, – подводит меня. Видишь ли, если в вещах нет чего-то такого, что я воспринимаю как некое откровение, я напрочь их забываю. Для меня никогда не бывает просто кладовой. Не бывает просто проходного помещения. Ты мог бы показать мне голубую плитку на полу в своей кухне – и не было бы ни малейшего шанса, что я ее запомню. Зато если бы ты рассказал мне, как приятно эта плитка охлаждает разгоряченный лоб, если свернуться калачиком и немножко полежать на полу, голубизна этой плитки запечатлелась бы в моем мозгу навсегда.

В моей спальне были ярко-красные занавески, которые не сочетались ни с одним предметом обстановки. Но я называла ее комнатой с красными занавесками, потому что это было ее единственное яркое отличие. Когда моя мама впервые приехала в Бронкс, она ждала меня на платформе станции подземки Фордэм Роуд, обмотав вокруг запястья ремень ярко-красного футляра своей цифровой камеры. Я спросила, что она собирается фотографировать.

– Твой район, – безмятежно ответила она. Я дала ей понять по дороге к нашей квартире, что мой район – не то место, где есть что фотографировать. За весь проделанный путь она сделала только одно фото. И это было фото красных занавесок.

Первое, что я сделала в комнате с красными занавесками, – развесила на стенах письма. Это единственный способ превратить четыре стены, в которых я живу, в настоящий дом. **Мне всегда было необходимо, чтобы меня окружали слова, окутывающие меня, точно шаль; слова, полные мудрости и надежды.**

Письма заняли почти три стены спальни. Люди спрашивали, откуда они пришли, и я отвечала, что часть написана моей мамой, а часть – от друзей и подруг. Но большинство этих писем были результатом одного слова – *мандаре*.

Мандаре – традиция выпускного курса в моем колледже. Это итальянское слово, которое означает «посылать». В конце уикэнда для старшекурсников, готовых получить дипломы, полдесятка добровольцев торжественно выходили из дальнего угла, держа в руках большие коричневые бумажные пакеты. Имя каждого адресата было выведено толстым черным маркером. Внутри каждого пакета громоздилась стопка писем от членов семьи, близких друзей и родственников, собранных за предшествующие недели. Все эти люди получали по почте обращения, в которых говорилось примерно следующее: «Послушайте, такой-то человек в вашей жизни вот-вот получит диплом. Пожалуйста, напишите ему что-нибудь такое, от чего он будет рыдать горячими слезами». Наверное, этот призыв был оформлен как-то более официально. Но у людей появлялся шанс вывернуться наизнанку на бумаге и пожелать тебе удачи в твоих новых начинаниях так, чтобы это пожелание помнилось дольше, чем пост в Фейсбуке. Я тогда добрый час заливалась слезами, читая письма от родителей, тетушек, лучших подруг и людей, с которыми мы в лучшем случае здоровались в кампусе. Порой я улучала минутку, чтобы оглядеться по сторонам и посмотреть на своих однокурсников, у каждого из которых на коленях лежала пачка писем. Или вообще никаких писем, за исключением таких: «Я видел тебя как-то раз в кампусе. Ты была в голубом свитере. Уверен, что ты хороший человек. Желаю удачи в выплате студенческих кредитов». Я не могла не думать об этих людях, сидя в лужице из слез, соплей и чернил. Даже после того как я сложила все свои письма и отвезла их домой, я не переставала гадать, каково это: подарить пухлый сверток любовных писем человеку, которого знать не знаешь. Человеку, который в ином случае может никогда ничего подобного не получить. Всем нам, знакомым и незнакомцам, время от времени требуется подобное напоминание. *Ты достоин. Ты – чистое золото. В тебе это есть.*

* * *

Первое, что мы поняли, оказавшись в своей новой квартире, – это что никто и не думал шутить, говоря нам во время ориентации, что мы будем жить в здании, примыкающем к церкви. К очень, *очень* большой церкви. Если тебе хочется точности, то к кафедральному собору Бронкса. Он был так же близок к нам, как соседские патио. Типа, «кстати, у меня на заднем дворе стоит огромный католический храм».

Один священник из общежития-ректория,⁵ к которому было пристроено наше здание, ждал у ворот, чтобы устроить нам экскурсию по территории, после того как мы разместимся. Первым пунктом программы и была эта самая церковь.

– Как-то раз у нас здесь снимал музыкальный клип Пи Дидди, – поведал он нам, когда мы подошли поближе к центральному входу в храм. – Все ужасно из-за этого взволновались.

В тот же вечер я искала этот клип в сети – и действительно, там нашелся Пи Дидди со своей песней «Ангелы». Если промотать клип вперед, то на отметке 2:16 найдешь Пи Дидди, который по-хозяйски входит в церковь, при которой мы жили, перед тем как начать раскатывать по улицам нашего района на мотоцикле.

Главный вход в церковь был заколочен досками: шла реконструкция. Мы прошли через временный вход в часовню. Священник рассказал, что несколько месяцев назад кто-то поджег переднюю часть церкви, но я не думаю, что того, кто это сделал, когда-нибудь найдут.

⁵ Ректорий – дом приходского священника.

Несмотря на масштабную реконструкцию, мессу все равно служили каждое воскресенье – на испанском и английском языках.

Мы несколько минут постояли в молчании у порога храма. Мои плечи напряглись. Ладони вспотели. И знаешь что? Честно говоря, они вспотели и сейчас – при одном воспоминании. Сердце бьется быстро-быстро. Ничего не могу поделать: такой всегда была реакция моего тела, когда приходилось затрагивать тему Бога – а конкретнее, религии.

Я пишу здесь это слово – *религия*, – хотя на самом деле его не использую. Когда-то я думала, что это единственное подходящее слово, пока не услышала, как один пастор по телевизору сказал, что оно обозначает отношения с Богом. Мне такое значение нравится больше. Отношения – это то, что я понимаю (по большей части), и это слово позволяет мне расслабиться, потому что вроде как есть надежда, что я смогла бы понять Бога.

Что так, что сак, я нахожу религию довольно-таки скользкой темой и нередко ловлю себя на том, что обхожу стороной людей, которые стремятся непременно победить в этом споре. Словно поиски имени для того, что наполняет тебя под конец дня, – это соревнование, в котором можно победить. Когда речь заходит о моих собственных отношениях с Богом, единственное, что я могу сказать, – это что они начались как жажда чего-то большего, чем мое тело, чем я сама. И в то время я не знала, что оно такое, это большее, – Бог, или безусловная любовь, или спаситель, или просто кто-то, кто мог быть дать мне то, чего, казалось, не могли дать люди.

Но я сейчас вступала в волонтерский год, основой которого как раз и была вера. Если точнее, это была католическая программа с фокусом на жизни св. Августина. В стопке программных материалов мне запомнилась одна строчка: «Наши сердца не находят покоя, пока не упокоятся в тебе». Мне она понравилась. Мне нравилось знать, что беспокойное сердце – не случайное явление. Мне нравилась мысль о поисках такого Бога, который просто позволит упокоиться в Себе. Но когда люди узнавали, что я собираюсь пройти год католического волонтерского служения, они смотрели на меня как на сумасшедшую, потому что я не была подтверждена и не считала себя католичкой. На это я просто ответила бы: «Бог – это Бог, верно? А если Бог – тот, кем заставляют Его быть люди, тогда Он являет себя в любом случае, и не важно, какую конфессию мы считаем важной для себя».

На самом деле я только хотела такое сказать. Вместо этого я говорила, что мне это идеально подходит, поскольку я в детстве была очарована монахинями и Пепельной средой.⁶ Если ты можешь представить себе девочку из начальной школы, с ножками тоненькими, как две палочки, перед зеркалом в женском туалете, взволнованно втирающую в лоб стружку от простого карандаша, то это была я. Я завидовала (откровенно злясь) своим одноклассникам-католичкам из-за того, что у них есть религия, позволяющая надевать красивые белые платья к причастию и иметь второе среднее имя. В то время как я вместо конфирмации получала только заверения, что мне необходимо носить зубные скобки – либо прожить всю свою долгую жизнь клыкастой. Единственным, что существовало в моем собственном внеконфессиональном пузыре, были копии изображения Иисуса на фланелевых полотенчиках и шанс окунуться в холодную купель с водой. Отсюда и мое решение лгать о вере и втирать свинцовые опилки простых карандашей в лоб каждую Пепельную среду, чтобы смешаться с толпой своих пепельноголовых сверстников.

Я хотела быть своей среди своих. Когда растешь, все твое существование сосредоточено на этом. Я хотела быть крутой. Я хотела, чтобы меня принимали за свою. Возможно, эти чувства никогда не покидают нас. Возможно, мы никогда не перестаем сводить все, что

⁶ Пепельная среда – день начала Великого поста в латинском обряде католической и некоторых лютеранских церквей, за 46 дней до Пасхи. В этот день верующие посыпают головы освященным пеплом или рисуют пеплом на лбу знака креста.

делаем, говорим и во что верим, к этому единственному утверждению: я хочу быть частью чего-то.

В детстве я никогда не чувствовала, что являюсь частью своей церкви. Мои сверстники выглядели такими смиренными и собранными в своей лучшей воскресной одежде, а я даже не позволяла матери купить мне щетку для волос. Они носили маленькие костюмчики и лавандовые платки, отделанные по вороту цветочками. Я же была этакой костлявой малявкой – которой присвоили подходящее прозвище Скелетик, потому что до двенадцати лет я выглядела жертвой истощения, – щеголявшей в ковбойских сапожках и белых перчатках а-ля Майкл Джексон. Мои друзья были очарованы кукольными мультиками об Иисусе и его учениках, а я не понимала, откуда берется эта очарованность. Иисус казался мне немного позером. Он был похож на того чувака в старшей школе, которого все в конце концов начинают ненавидеть, потому что он весь из себя такой благочестивый и правильный. Да его даже красавчиком нельзя было назвать! Я всегда думала, что он был бы больше похож на настоящего парня, если бы остриг волосы. Это увеличило бы его шансы завести подружку, и он мог бы показывать все эти крутые чудеса ей, вместо того чтобы воспитывать такое количество «братишек». Я-то уже точно согласилась бы встречаться с парнем, который может превратить мою воду в вино.

У всех моих сверстников были мамы и папы, сидевшие по обе стороны церковных скамей, точно книгодержатели. Моя же мама занималась делами веры в одиночку, в то время как папа сидел дома, не выражая желания ходить в церковь. Мне не нравилось смотреть, как какой-нибудь молодой папаша устанавливает автокресло с малышом на скамью рядом с собой. Мне не нравилось видеть, как его жена кладет голову ему на плечо, а он кончиками пальцев рисует крохотные кружочки на ее спине. Мне не нравилось, как этот глумливый тихий голосок громыхает у меня в голове: «Ты?! Ты думаешь, у тебя это когда-нибудь будет? Ты серость, девочка. Ты. Просто. Обычная. Серость». Этот голосок никогда не покидал меня, даже когда я повзрослела. Я все равно сидела на скамье – больше похожая на шлюху в своих укороченных топах и джинсах в обтяжку – и гадала, выйду ли я когда-нибудь замуж за человека, который будет брать меня за руку перед ужином и молиться вместе со мной обо всех тех вещах, которые, как я уже знала, человек не в силах исправить.

Через некоторое время я просто перестала желать этих вещей и перестала вести себя так, будто я действительно их хочу. Как только мать перестала заставлять нас сидеть рядом с ней на службе, а до меня дошло, что я делала это только из обязательств перед ней, я перестала ходить в церковь. Только однажды я нашла в Интернете одного своего мегавозлюбленного из воскресной школы, думая, что он, может быть, ждал меня все это время. *Может быть, я все же могла бы стать святой*, – таковы были мои мысли, когда я нашла его на Фейсбуке, зафрендилась и ждала подтверждения. Весь тот вечер я ожидала от него сообщения, чего-то вроде: *Ягненок мой, Господь повелевает мне ждать тебя, и я склоняюсь, аки лань, над твоим фото в профиле*. Однако он так ничего и не написал. Только добавил меня в друзья. А потом я наткнулась на его фотки практически без одежды и поняла, что теперь он любит парней и, значит, я не в его вкусе. Наша любовная история умерла в муках.

* * *

Во время подготовки к волонтерскому году нас попросили написать о нашем «пути веры» и поделиться этими сочинениями с группой из двадцати шести человек. **Путь веры – это все повороты, которые человек совершает в поисках Бога, и то, как они изменили его за время, прошедшее с самой первой встречи.** Все мы пришли в программу по своим причинам, но, вероятно, нам хотелось примерно одного и того же, только в разном порядке. Одни мечтали об отпуске. Другим нужен был еще год, чтобы разобраться в себе. Большин-

ству из нас хотелось хлебнуть настоящей прозы жизни, знать, что мы делаем работу, которая действительно важна. Многие стремились познать лик и мозолистые руки Бога, о котором мы слышали столько лет.

Неважно, где мы Его находили, – спрятанным в рассказах из детской Библии или в современной религии. Пора было сделать еще шаг вперед и спросить, задрвав головы кверху: *«Как Ты действуешь, Бог? И как Ты танцуешь? Расскажи мне об этих ангелах. И еще расскажи, о чем Ты думал, когда сооружал такую штуку, как я?»*

Бог принимал великое множество форм и очертаний, когда на протяжении недели люди по очереди рассказывали свои истории. Одним казалось, что Он стоит за каждым углом и на каждом перекрестке. Другие загоняли Его в рамки и допускали лишь в некоторые области своей жизни. В некоторых свидетельствах Он шептал и был таким тихоней. В других историях Он мстительно громыхал. Кстати, в моих мыслях Бог всегда напоминал рекламного Мистера Клина⁷ – настолько, что, как бы я ни пыталась отключиться от этого образа, этот Бог с кустистыми белыми бровями, горящими голубыми глазами и в чистой белой футболке являлся мне в каждой истории, рассказанной по кругу.

Когда очередной рассказчик вставал, чтобы прочесть свою историю, я представляла себе, как Бог – Мистер Клин – откидывается на Свой небесный шезлонг, попивает розовый лимонад и посмеивается над тем, какими словами мы Его рисуем. Я воображала, как Он трясет головой и машет кулаком, когда история оканчивается хорошо и Ему достаются все партии положительных героев. Я представляла, как Он набрасывает заметки и обводит маркером разделы, касающиеся того, что Ему нужно исправить в ком-то из нас. Я видела, как Он льет слезы размером с яйцо, когда Его собственные создания вредят друг другу. Я воображала, как Он слегка краснел, когда мы говорили приятные вещи и подыскивали добрые слова в Его адрес в тот день, когда просили Его не уходить далеко. В тот день, когда мы говорили все это от чистого сердца.

Некоторые рассказы были красивыми и лаконичными. На других трудно было сосредоточиться: внимание отвлекалось на дрожащий голос и мельтешащие руки рассказчика. Меня тянуло к тем историям, которые заканчивались не слишком хорошо, в которых зияли прорехи и оставались оборванные нити, – потому, быть может, что именно такие ощущения у меня были от собственной веры. Как будто она не совершенна и не завершена. Как будто это только начало.

Община Бронкса должна была услышать наши истории последней. Когда другие члены программы отправлялись спать или собирались в номерах отеля, чтобы получше познакомиться друг с другом, я оказывалась у компьютера в лобби и пыталась впихнуть Бога в пространство страницы. Я хотела, чтобы люди верили в то, что я говорю. Мне и самой хотелось верить этим словам. Но я просто клала руки на клавиатуру и думала: *«А что, если я на самом деле Тебя не знаю? Что, если я просто пишу сплошную ложь, чтобы эти незнакомые люди подумали, что я и вправду Тебя нашла?»*

* * *

«Нашла» – вот забавное слово! **Что я действительно «нашла», когда села писать свою историю, так это воспоминания о самой себе, попавшей в колледже в манипулятивную секту на христианской основе.** Эта секта запрещена в разных городах и университетах. Она была «взломана» с помощью новостных каналов, которые внедряли в нее своих корреспондентов, чтобы публиковать разоблачения. Очевидно, структура этой церкви и сте-

⁷ Mr. Clean – брендовый талисман товаров для чистки и уборки компании Procter & Gamble.

пень ее строгости в последние годы претерпели изменения, но в то время она все еще числилась в тех энциклопедиях, которые докапывались до сути сект во всем мире.

Я бы посмеялась, если бы кто-то сказал мне, что я могу увлечься такими вещами. Я всегда ассоциировала слово «секта» с другими понятиями: «Кул-Эйдом»,⁸ Чарльзом Мэнсоном,⁹ людьми, которые внезапно бросают свои семьи, промыванием мозгов, Шоном Хантером. Я имею в виду ту серию фильма «Мальчик знакомится с миром», где Шон вступает в секту и никто не в силах вытащить его оттуда. Я вручила бы кучу наград режиссерам за то, что они столько всего впили в тридцатиминутную серию. Если кто-то, читающий эти строки, знаком с ними, пожалуйста, похлопайте их от меня по плечу. Передайте им, что я отошла от телевизора после этой серии с мыслью: *«Что-то уж слишком реальная у них вышла реальность. Чересчур реальная, на мой вкус. Что, если Шон, Топанга и Кори будут продолжать заниматься такими серьезными вещами, пока не вырастут и не покинут меня?»*

Это был предпоследний курс колледжа. В первые два года учебы я наблюдала, как моя мама учится жить без своей мамы и исполняет бесконечный хоровод с моим братом – ее милым малышом, подсевшим на таблетки с длинными и непроизносимыми названиями. Я смотрела, как моя мать стоит в кухне после того, как мы с братом выкрикивали друг другу слова, которые невозможно взять обратно, и всегда поражалась, откуда у нее столько сил. Видеть, как твой прекрасный маленький мальчик превращается в какого-то незнакомца, наглотавшись таблеток! Хочу внести ясность, нимало не приврав: мой брат никогда не был злобной тварью; его сердце не переставало быть чистым и ласковым. Он, бесспорно, один из самых славных людей на свете. Я просто обнаружила, что мне очень трудно находиться с ним в одном помещении – и не сожалеть о том, что никто не привез к нашему порогу лучшую судьбу для него, как доставляют пиццу.

Может быть, мама плакала по нему больше, чем я знаю сейчас или буду знать в будущем. Но я наблюдала за ней каждые каникулы и видела, как она независимо ни от чего соблюдает обычную утреннюю рутину. Семь утра: варка кофе на плите. Долить полужирным молоком. Перевернутая страницами вниз Библия все в той же кожаной обложке, в которой она хранилась годами; из боковых кармашков вываливаются старые церковные бюллетени. Она переписывала стихи из этой Библии, пока во втором по счету кофейнике не показывалось дно. Она хранила болезнь моего брата в секрете. Словно тьма не имела ни единого шанса против всей радости, которой она себя окружала. Она молилась у раковины с посудой. Она вставляла стихи во все письма для меня – не потому, что чувствовала настоящую потребность помочь мне найти Бога. Думаю, она просто знала, что я буду чувствовать себя более цельной, если допущу, что Он уже есть.

Так что осенью, на предпоследнем курсе колледжа, я решила, что тоже хочу найти Бога. Ради себя тоже, но в основном ради нее. Показать ей, что я действительно Его нашла. Почти как Элизабет Гилберт,¹⁰ только без Индии, Бали и сексуальных итальянцев, я выступила в поход на поиски Бога. Мне было девятнадцать лет, и я слонялась по католическому кампусу в поисках Его, словно Он был Уолдо в очках с проволочной оправой, которого я искала все эти годы.¹¹

Годом раньше одна знакомая спросила, не хочу ли я пойти изучать Библию вместе с ней. В сущности, она спрашивала об этом много раз. И мой ответ всегда был отрицательным,

⁸ Фраза «Drinking the Kool-Aid» («хлебнуть Kool-Aid»), нередко употребляемая в литературе и СМИ, возникла в 1978 году, после массового самоубийства в Джорджтауне членов секты «Храм народов»; сектанты свели счеты с жизнью, выпив Kool-Aid, в который был добавлен цианид.

⁹ Основатель секты «Семья», прославившейся жестокими убийствами.

¹⁰ Популярная американская писательница, автор бестселлера «Есть, молиться, любить».

¹¹ Уолдо, или Уолли, – персонаж популярных развивающих игр-картинок для детей, на которых человечка в очках и полосатой шапке нужно искать среди множества других людей.

пока не стал положительным. Я начала заниматься с ней и посещать ее церковь. С нами в комнате всегда была еще одна женщина, которая делала для меня заметки. Наверное, это было несколько странно – то, что она засиживалась с нами в кампусе допоздна; ведь дома у нее была семья. Помню, на одном таком занятии моя знакомая и та женщина попросили меня открыть новую страницу в моем блокноте. На эту страницу я должна была выписать все совершенные мною прегрешения, какие смогу припомнить. Я еще подумала: *В смысле, за какой срок – на прошлой неделе? Или в прошлом году?* Но они сказали, что я должна записать все. Каждый былой грех, какой сумею вспомнить.

Воспоминания о лжи и боли, о зависимости и похоти заполнили страницы этого блокнота. Я подумала, что, когда завершится тот наш библейский урок, нужно будет купить новый блокнот. Этот я больше видеть не хотела. Потом мне пришлось проговорить все свои грехи вслух и объяснить их. Руки у меня горели. Мне было ужасно стыдно рассказывать о вечерах, когда я напивалась, или о беспамятных ночах, проведенных со случайными партнерами. Мне отвратительно было вдаваться в подробности того, что со мной происходило. Подобного рода вещи и так заставляют человека остро ощущать собственную пустоту. Но разговор об этом с людьми, практически незнакомыми, ощущение нависшего надо мной полога стыда рождали чувство абсолютной недостойности.

Оглядываясь назад, я до сих пор ощущаю легкую грусть, потому что даже в эти постыдные моменты я все равно отчаянно желала того, что было у этих людей. Все они были такими хорошими! Все так искренне хотели узнать меня получше. Я чувствовала себя по-настоящему любимой и принятой. Даже если я соглашалась не со всем, что эти люди говорили мне, ничто не могло пересилить это чувство принадлежности: *Тебя любят. Ты цельная. Ты в порядке.* И только когда я получила SMS от одного из мужчин – членов этой церкви, в котором говорилось: «Не могу дождаться момента, когда назову тебя сестрой своей во Христе», – до меня дошло, что, вероятно, существует некое препятствие, о котором я не знаю. Некий разделитель, стоящий между нами. И снова возникло чувство, что я не вполне вписываюсь. Что я не совсем *своя*.

Выяснилось, что я «пока еще не в свете». А точнее, меня провели через специальное занятие, чтобы доказать мне, что я не в свете. Пока мы читали один фрагмент Писания за другим, мне стало очевидно, что только те, кто получил крещение в этой церкви, пребывают в свете. Только после крещения Бог захочет иметь со мной дело. Путь к спасению пролегает только через эту церковь. Мои друзья отправятся в ад – и мне необходимо спасти их. Весь мой кампус, «волки в овечьих шкурах», отправятся в ад. И я, если соступлю с этого пути, – я тоже буду проклята.

Так что я приняла решение креститься в этой церкви, и за дни, предшествовавшие крещению, меня завалили правилами о том, что я смогу и не смогу делать, когда стану членом церкви. Я не могла ходить на вечеринки. Я не могла употреблять алкоголь. Я не могла встречаться с парнями, не являющимися членами той же церкви. Моей целью в жизни становилось обращение других. Окунуть как можно больше людей в купель и привести как можно больше верующих на церковные скамьи. Помню, как я думала: *Боже, да не нужен мне еще один свод правил! Я просто хочу что-то почувствовать.*

И только вечером накануне моего крещения та другая, старшая женщина, с которой я встречалась, решила поднять еще один, последний вопрос перед тем, как я буду спасена. Вопрос о моей матери. Она сказала, что моя мать отправится в ад, если я не приведу ее в эту церковь. Мне нужно спасти ее.

Тут меня накрыло. Это был переломный момент. Мне хотелось выкрикнуть ей в лицо: «Да ты понятия не имеешь, какая она святая женщина, моя мать! Она спасала меня тысячи раз. И не тебе приговаривать ее к преисподней!»

Я знаю, мне следовало тут же уйти оттуда. Но вместо этого я согласилась попробовать спасти свою мать, просто для того, чтобы самой обрести спасение. Я устала от бесконечных препятствий. Я хотела, чтобы меня спасли.

* * *

За двадцать минут до крещения, по причинам, которые мне, вероятно, никогда не понять, я рассказала своей соседке по комнате, во что ввязываюсь. Не помню, какие именно слова я при этом использовала, но я у порога ее спальни говорила, что в этот вечер приду домой совсем другой, стану новым человеком. Моя соседка встревожилась и сказала, что не хочет, чтобы я уходила. Что бы я ни собиралась делать – я не должна идти. Следующие несколько часов слиплись в сплошную путаницу паники, воплей и слез. Моя мама говорит, что никогда еще так не боялась за меня, как в тот момент, когда сняла телефонную трубку и услышала, как я выкрикиваю в слезах: «Я не хочу попасть в ад! Пожалуйста, помоги мне! Кажется, я попаду в ад!» Я не рассказывала ни ей, ни кому-либо другому о том, чем занимаюсь, и о своих планах принять крещение в этой церкви. Я хотела, чтобы это стало сюрпризом и чтобы она гордилась той святостью, которую я обрела.

Я не крестилась в тот вечер. Вместо этого я два часа проговорила по телефону с женой одного из старейшин той церкви, в лоне которой выросла. Мои ладони вжимались в пол, пока я слушала, как она твердит мне: «Ты не попадешь в ад. Не попадешь!»

* * *

И только на следующий день, сидя рядом со своим куратором, который с гордостью называл себя атеистом, я начала понимать, что происходит. Я сказала ему, что мне необходимо обрести свет. Прямо во время выбора курсов для следующего семестра я должна была обрести свет.

Он тут же послал меня в религиозную миссию кампуса, и очень правильно поступил. В конце концов, нет никакой связи между желанием «обрести свет» и тем, какой уровень писательского мастерства ты хочешь выбрать в грядущем семестре. Я вернулась полчаса спустя, с названием некой религиозной группы, которое дала мне одна из женщин, работавших в миссии, – чтобы я поискала ссылки в *Google*. Эта женщина сказала, что многое из рассказанного мною ей знакомо. Мне следует найти эту конкретную группу и побольше узнать о ней. Куратор уступил мне свой компьютер и стоял за моей спиной, пока я вводила название в строку поисковика. В ответ выскочило слово «СЕКТА», большими буквами сиявшее на экране во всех строках. Я прочла: «Данная группа обладает всеми чертами, позволяющими классифицировать ее как секту контроля мышления. В том числе: учение о том, что это единственная истинная церковь; «бомбардировки любовью»; вербовка при помощи обманных методов; контроль над временем членов секты; контроль над отношениями и пр.».

В тот вечер я одной из последних вышла из учебного центра поддержки. Я весь день просидела в углу кабинета, где стояла мини-сеть из четырех компьютеров, и плакала, читая истории о женщинах, уходивших от своих мужей, о парнях, бросавших своих девушек, чтобы обрести спасение в этой секте. Я записала все, что случилось со мной, и на следующее утро принесла этот отчет в миссию кампуса.

* * *

Поверишь или нет, но я попыталась втиснуть всю эту историю в два предложения и вставить ее в рассказ о своем «пути веры» так, чтобы она проскочила незамеченной. Не тут-то было! У других волонтеров возникли самые разные вопросы. Эта история снова всплыла вечером, перед тем как нам предстояло отбыть к местам несения волонтерской службы. Мы провели последний день, гуляя по променаду Атлантик-Сити, и побагровели от солнца, как лобстеры. Мы смыли песок и соль с тел и к ужину переоделись в свои лучшие шорты и сарафаны. В ожидании, пока для нас накроют столы в прибрежном итальянском ресторанчике, кто-то спросил, могу ли я подробнее рассказать свою историю. И я поведала группе о том, что случилось. Так же, как делают в коллекционных выпусках фильмов, я включила в свой рассказ все изъятые прежде сцены. А когда закончила его, один из благодарных слушателей спросил, что было дальше. **Что было после того, как тебя вывернули наизнанку и заклемили «самой эгоистичной грешницей столетия»?** После того как администрация разослала по всему кампусу электронные письма с предостережением о присутствии на территории колледжа религиозной секты? *Что стало с тобой, Ханна?*

* * *

Ну, по правде говоря, вскоре я научилась превращать свою «сектантскую» историю в отличную репризу для выступлений на вечеринках и всяких сборищах. И это был гарантированный способ потрясти парня на первом свидании, ибо немногие могут начать фразу словами: «Однажды я едва не попала в секту...» Я здорово поднаторела в пересказе этой истории, подшучивая над ней и никогда не касаясь ее мучительности. Но если копнуть поглубже, ты, читатель, увидел бы истинную боль, которая жила внутри меня. Все мои молитвы рождались из желания схватить Бога за плечи и закричать: «Как получилось, что, когда я искала Тебя, Ты привел меня в этот кошмар?! Как так получается, что Ты позволяешь Своей религии становиться настолько уродливой, когда она попадает в руки некоторых людей?»

Через несколько дней, когда тревожнения в кампусе улеглись, я позвонила маме, чтобы отчитаться о своих недавних открытиях касательно психологических тактик этой секты. Так со мной всегда бывает: я как одержимая бросаюсь исследовать то, что не могу понять. На этот раз моим «уловом» стали многочисленные свидетельства очевидцев и статьи об этой религиозной группе.

– Ты не поверишь, что я сегодня нашла! Помнишь, я рассказывала тебе о том, как они...

– Ханна, – сказала мама, не дав мне закончить, – я знаю, что ты хочешь во всем этом разобраться. Мне это понятно. Но эти ответы для тебя не так важны, как вопрос о том, где во всем этом Бог. – Она ненадолго умолкла. – Может быть, тебе нужно задуматься, что именно Бог вытащил тебя из всего этого? Что Он вмешался, когда это было нужно. И теперь ты свободна.

С этим настроением, с этой мудрой маминой мыслью о том, что, возможно, Бог спас меня от секты, я упаковала свое упрямое сердце и смену одежды и отправилась на уикэнд, отдыхать от колледжа. В горах Массачусетса, в каком-то случайном ретрит-центре, где готовят лучшие согревающие блюда на свете, я впервые освободилась от горечи. Я просто отложила ее на время. Я ходила по территории, обрамленной роскошными горами, которые были слишком далеки, чтобы добраться до места, где земля встречается с небом. Было столько веселья в крохотной комнатке с желтыми стенами, где я и пять других девушек сидели вместе между семинарами. Наша дружба зарождалась под картиной с изображением Иисуса, на

которой он выглядел как модель из *GQ*.¹² В той комнате с желтыми стенами, которой трудно дать иное определение, кроме «комната с Иисусом из *GQ*», мы создавали некий особый род дружбы. Там я познакомилась со своей лучшей подругой Селией. Если бы не все переживания, я бы никогда не узнала Селию. Если у тебя когда-нибудь был лучший друг, с которым ты становишься лучше, чем мог бы стать в одиночку, то ты поймешь, как это было важно для меня – познакомиться с ней в той желтой комнате.

* * *

Это была та версия «после», которой я всегда придерживалась. Она была прочной, устойчивой и ни разу не поколебалась. По крайней мере, до того дня в кафедральном соборе Бронкса, дня, когда я переехала в Нью-Йорк. И внезапно «после» пошатнулось. Я чувствовала, как волна тошноты растеклась по моим внутренностям, пока мы молча стояли в центре храма. Словно я искала место, чтобы скрыться, но скрыться было некуда.

У меня было ощущение, будто я стою посреди квартиры бывшего бойфренда. Только там были церковные скамьи. И горящие свечи. И массивное распятие в передней части храма. Конечно, Бог – не мой бывший бойфренд (это просто чтобы внести ясность), но тип эмоций был тот же. Словно вспоминаешь все мелочи, заставляющие тебя тосковать по человеку, прощание с которым прошло не так, как хотелось. Это было знакомым почти до боли чувством – стоять посреди места, которое принадлежало Богу, и знать, что мы пока не совсем примирились.

Мы с Богом в том храме словно установили, наконец, «фейсбучный» статус наших отношений. И статус этот был ясен: «Сложные». Это были именно такие отношения, какие подразумевает слово «сложные». Мы были травмированными и отчужденными; мы не могли позволить нашему танцу длиться, поэтому все еще позванивали друг другу. Но никто из нас не мог набраться храбрости, чтобы задать определяющий вопрос: *Ты остаешься или уходишь? Выбери один вариант.*

Я ничего не сказала. Я промолчала и тогда, когда священник рассказывал нам историю церкви, и когда он сказал, что мы можем приходить сюда в любое время, днем или ночью: у нас были ключи. Я думала, что буду туда ходить. Я представляла, как поздним вечером, когда весь остальной мир спит, буду сидеть на этих скамьях и проникаться красотой церкви. Приходить сюда в два часа ночи, чтобы просто глядеть на витражные окна и задавать серьезные вопросы.

Но если бы я ушла, что мне оставалось бы сказать? Что осталось бы шептать в огромности этого храма Богу, который, как я надеялась, слышит меня свыше? «Нам нужно новое «после». Если Ты здесь, я думаю, нам нужно найти новое «после».

¹² *GQ* (Gentlemen's Quarterly) – ежемесячный мужской журнал, один из старейших в мире.

Ты здесь

С того момента как мы ступили на землю Бронкса, мы словно оказались вовлечены в нечто большее, чем мы сами. Тебе наверняка знакомо это чувство: кажется, будто можно ненадолго уйти, потом вернуться – и все будет выглядеть прежним. Люди могут оказаться другими, их истории могут становиться светлее или мрачнее на протяжении медленно тянувшихся августа и октября, но все вокруг по-прежнему будет пульсировать привычностью.

Мы стали близкими друг для друга, даже не прикладывая к этому усилий. Это не было похоже на то стремление подружиться, которое я ощущала в четвертом классе, когда стала одеваться в неоновые цвета – кричащие, режущие глаз фломастерные краски. Я думала, что из-за этого популярные девочки захотят сидеть рядом со мной в столовой. Непохоже на колледж, где мне казалось, будто нужно восемнадцать раз поужинать в ресторане с девочками из моего общежития, прежде чем меня перестанет терзать страх, что они забудут обо мне. Ничего такого. Все просто: «Ты здесь, а значит, ты одна из нас. Ты теперь часть нас».

Так обстоят дела не во всех уголках этого района, но там, где мы жили, было легко почувствовать себя желанными, и я стала скучать по этому чувству. Я привыкла, живя там, что меня воспринимают как должное, и теперь скучаю по тому, как незнакомые люди со мной здоровались. Они просто любили нас. Я не предполагала, что такое возможно, потому что никогда прежде не сталкивалась с подобной любовью. Я едва удерживалась, чтобы не прошептать: «Как вы вообще можете меня любить? Сидеть со мной? Разговаривать? Вы ничего обо мне не знаете. Неужели все действительно может быть так просто?»

* * *

Одна из моих соседок по квартире называла это словом «агапе». Я никогда прежде не слышала этого слова, но у нее оно было любимым и мгновенно очаровало меня. Определение *agape* – «любить человека именно таким, каков он есть», а не таким, каким он, как мы надеемся, станет при должном исправлении. Та самая идея, что каждый человек – личность многослойная, так что никак нельзя ограничивать его тем, что ты видишь в нем с первого взгляда. Она основана на предпосылке, что **любить человека – значит всегда надеяться на него**.

В те первые несколько дней я усердно практиковалась в агапе и быстро влюбилась во все, что нас окружало. Например, в нашу веранду – да, у нас была веранда, настоящая правильная американская веранда, прямо как в мультике «Эй, Арнольд!». И мы сидели на нашей веранде, держа в ладонях чашечки кофе из «Моти». Всего шестьдесят центов – и все равно это был лучший кофе, какой я пила в своей жизни.

«Моти» – так назывался винный погребок через улицу от нашего дома, с рядами настолько узенькими, что они порождали новые формы клаустрофобии. Подходишь прямо к прилавку и просишь у мужчины с седой шевелюрой, который всегда стоит сбоку от кассы, чашку кофе.

– Со сливками и сладкий, пожалуйста.

– Всегда пожалуйста, – улыбается он, исчезает за прилавком и появляется вновь, перегоняя к тебе по столешнице маленькую картонную чашечку, накрытую сверху двумя салфетками. Один глоток. Ты чувствуешь, что «подсела». Ставок больше нет.

* * *

А потом еще был Хуан.

Хуан был вундеркиндом из парикмахерской, расположенной через улицу от нас, буквально дверь в дверь. В его салоне всегда было не протолкнуться, и в течение всего дня люди целыми компаниями сидели снаружи на пластиковых «дачных» стульях. Сразу после окончания уроков в школах я видела на вращающихся креслах детишек, на головенках которых выбривали звездочки и зигзаги. В этом салоне никогда не было свободных мест. И люди там всегда смеялись.

Я увидела Хуана, как только мы впервые въехали в ворота нашего нового дома и начали вытаскивать чемоданы из машины. Он смотрел на меня с неотразимо притягательной улыбкой. Я тут же почувствовала себя дурочкой в фирменной волонтерской футболке, словно заявила в Бронкс как девчонка в летний лагерь. Мои щеки полыхнули жаром. Я проводила его взглядом, когда он вернулся к своей работе, кивнув мне как бы на прощание. Хотя голова его и была опущена, я чувствовала, что он улыбается.

В первые несколько недель я усаживалась на веранде – стратегически важном наблюдательном пункте, – зарывшись носом в книги, а он стриг людей. Мы пожирали друг друга глазами, как четвероклассники, но дальше этого дело не двигалось. Даже не так: никакого дела вообще не было. Это было ежедневное повторение того, что Джимми Томпсон заставлял меня чувствовать в восьмом классе. Ладонки потеют. Сердце мчится вскачь. Я просто пропадала, стоило увидеть Хуана и его красивую бороду.

* * *

Однажды утром я и одна из моих соседок сидели на веранде на «наших местах». Ее место было в правом углу. Мое – на верхней ступеньке, откуда было видно Хуана.

Один человек отделился от группы мужчин, беседовавших у витрины парикмахерской. Он посмотрел в упор на нас обеих, сунул два пальца в рот и издал пронзительный свист. Резко сдвинул каблуки и отдал честь по всей форме.

– Он что, отдает нам честь? – одними губами шепнула я соседке.

– Ну да, – прошептала она в ответ.

Даже не посмотрев, нет ли машин на нашей улочке с односторонним движением, этот мужчина помчался к нам. Буквально *помчался*. Это был один из тех моментов, когда ты готова поклясться, что вся твоя жизнь успевает промелькнуть перед глазами. Ты думаешь о свадьбе, которой у тебя так и не случилось. О внуках, которых ты не пеленала. Бегун набирал скорость. Но все же резко затормозил перед нижней ступенью крыльца и вновь отдал честь.

– *Капитан! Сержант!* – произнес он громко. Он явно ждал, что мы отдадим ему честь в ответ, но потом сменил стойку «смирно» на «вольно», сорвал с головы бейсболку, обнажив сияющую лысину, схватил нас обеих за руки и пожал их.

Его звали Сарженито. Это, пожалуй, и все, что я поняла из его речей. Все остальное, что он наговорил, нуждалось в переводе с испанского, но даже моя соседка с трудом понимала, о чем он говорит. Он сказал ей, что служит в армии (хотя нам показалось, что это было много лет назад). Возбужденно болтал о том, что наш район стал объектом атаки. Нам нужно быть готовыми сражаться. Отсюда и прозвища, которые он нам дал, – Сержант и Капитан.

Пока он говорил, я заметила, как грязны его лицо и бейсболка. Его армейский китель тоже был запачкан. Глаза – разноцветные. Один голубой, другой – странного серебристо-белого оттенка. Дела района занимали его несказанно. Но в нем чувствовался некий благородный дух.

В последующие недели мы пытались выманить у него больше сведений о том, кто он такой, но он в основном ограничивался боевыми приказами. Мы уже знали, что он бездомный. Полагаю, большую часть того времени, что мы с ним беседовали, он был немного навеселе. Иногда он мел полы в парикмахерской, а потом пытался покупать нам всякую всячину на добытую лишнюю пару долларов. Однажды я спросила его, где он ночует. И содрогнулась, когда он указал пальцем на одну из скамеек в скверике через улицу. Я пыталась сделать вид, что способна забыть об этом. Мысль о том, что он лежит, свернувшись клубком, на парковой скамейке, когда столбик термометра падает до однозначных плюсовых чисел, значительно затрудняла для меня наше общение. Мне хотелось отдать ему свою постель и все те вещи, которых у меня не было, чтобы их пожертвовать.

Как ни странно, сидя на веранде и слушая, какими мерами нам надо спасать наш район, я чувствовала себя увиденной Сарженто. Вот слово, которое мне уже давно хотелось использовать: *увиденная*. Выделенная из толпы. Замеченная. С того дня и далее стоило ему заметить меня, как он разворачивался кругом, вставал по стойке «смирно» и отдавал честь – этаким резким знаком внимания. А потом шагал ко мне через всю улицу.

* * *

Я записывала все, что чувствовала в те первые несколько недель, в темно-красный дневник с магнитным замочком на обложке. Стопка страниц быстро росла. Спустя несколько недель я уложила дневник в конверт и отправила его почтой Селии. Она найдет его: он будет ждать ее в почтовом ящике кампуса в Массачусетсе. Она возьмет дневник, перечитает, заполнит следующие два-три десятка страниц, а потом отошлет обратно мне.

Эти дневники стали для нас пространством, где мы могли делиться своими мыслями. Даже если невозможно было сделать так, чтобы человек сидел рядом с тобой, видя жизнь твоими глазами, все равно возникало ощущение, что ты можешь обнять его и водить с собой по городу, стоило раскрыть дневник и поднести ручку к странице.

* * *

Мы начали пересылать друг другу дневники спустя семестр после нашего знакомства. Я была на курс старше Селии. Она на один семестр уехала учиться в Прагу, а я осталась, чтобы завершить последний год обучения и получить диплом. Ей было двадцать, мне – двадцать один. Мы обе собирали доказательства – и всевозможные улики – в поддержку истины, о которой никто и никогда нас не предупреждал: **жизнь – это череда моментов расставания**. Только-только начинаешь приспосабливаться к месту, человеку или работе – и тут все меняется, и снова приходится искать точку равновесия. Когда тебе от двадцати до тридцати, такое происходит постоянно, снова и снова. А может быть, это продолжается и после тридцати. И я готова биться об заклад, что этот процесс не прерывается и потом, когда люди становятся старше и друзья начинают ускользать, даже не сказав «прощай», или «я люблю тебя», или «я буду по тебе скучать».

В какой-то момент жизнь хлопает тебя по макушке и вручает список того, что ты можешь сохранить. Этот список удивительно длинен. Ты можешь хранить письма. Ты можешь сохранить упорство в своих попытках. Можешь хранить секреты и верность обещаниям. Можешь хранить стойкость на своем пути. Можешь сохранить у себя *его* толстовку – ту, которую он бросил на полу в гостиной. Можешь хранить фотографии и воспоминания – но людей сохранить ты не можешь. Люди – не вещи, их сохранить нельзя.

– Иногда мне кажется, что я не хочу ехать, – сказала мне Селия вечером накануне своего отъезда в Прагу. Белые огоньки гирлянды оплели комнату, точно плющ. Мы сидели на полу в моей квартире, нянча в руках чашки с «Липтоном». Так у нас было заведено.

– Я знаю, – прошептала я, не желая, чтобы она уезжала. – Но ты должна шагнуть в мир. Ты должна увидеть, что он для тебя приготовил. И ты должна сама решить, что хочешь быть там целиком. Все мы будем здесь, когда ты вернешься.

Однако в глубине души я вовсе не была в этом уверена. Я знала, что она уедет и я изменюсь, и все начнет разъезжаться в разные стороны. Возможно, отныне и впредь мы не будем знать ничего, кроме расстояний и расставаний. Трудно было помешать мыслям блуждать между картинками будущего – переезды, вручение дипломов, новые рабочие места, любовь, семьи... Все это могло случиться слишком быстро, глазом моргнуть не успеешь. И все же я сказала ей, что нельзя жить в двух местах одновременно. Она должна выбирать. И вкладываться в это единственное место некоторое время – столько, сколько это «некоторое время» ей позволит.

Через пару недель после начала того семестра прибыл первый дневник из Праги. Она написала на обороте обложки: «Пообещай, что ты никогда не забудешь меня, потому что, если я буду думать, что ты меня забудешь, я никогда не уйду». Однажды мы нашли эту цитату в общежитии, вырезанную на старой деревянной койке. И она, увы, потеряла для нас часть своей ценности, когда мы узнали, что первым сказал эти слова Пятачок Винни-Пуху.

Было нечто особенное в возможности носить Селию с собой и читать о ее приключениях на бумажной странице, а не на экране. Осязаемость дневников брала верх над любой другой формой коммуникации. Она ощущалась иначе, чем текстовое сообщение, иначе даже, чем просто рассказ о случившемся «по горячим следам» при личной встрече. Не было «горячего следа». Не было необходимости докапываться до корней тайн, окружающих нас. Думаю, если когда-нибудь какой-нибудь великий историк доберется до наших симпатичных дневников, он, вероятно, придет к такому выводу: «Этим двоим было ясно очень немного. Однако они пытались выяснять. Они влюблялись. Они искали Бога. Они любили создавать чудеса из повседневности. Но в первую очередь они подбадривали друг друга и делали друг друга сильнее. И это было самое главное».

* * *

В те первые недели сентября я проводила слишком много времени, делая записи для Селии на веранде нашей квартиры. Селия была первым человеком, которому я написала, что моя работа в Манхэттене окажется не совсем такой, на какую я рассчитывала.

Годом раньше пост представителя ООН представлял собой работу с частичной занятостью. Тот, кто служил представителем ООН, одновременно работал преподавателем английского как второго языка в иммиграционном центре на первом этаже дома, где была наша квартира. Когда в должность вступила я, преподавательские обязанности были с меня сняты. Предполагалось, что я буду посещать встречи и конференции в ООН, составлять резюме, готовить статьи и заседать в комиссиях, но все же эта должность и близко не давала достаточного количества работы на 38-часовую рабочую неделю.

Инспектор моей должности старался обеспечить мне постоянное рабочее место в штаб-квартире ООН. Например, я покупала офисные принадлежности. Однажды случился один момент, точь-в-точь как в фильме «Дьявол носит «Прада», когда я пыталась тащить по Лексингтон-авеню здоровенный офисный принтер, балансируя на каблуках. Но, если не считать нескольких часов в неделю, делать было особо нечего. В то время как мои соседи в поте лица трудились в Бронксе, я ехала на поезде в Манхэттен и пыталась как-то себя занять.

– Чтобы работать на этой должности, вы должны уметь ценить продвижение мелкими шажками, – сказала мне одна женщина во время профориентации в ООН, на которую я ездила первые две недели после начала работы. – Порой прогресс движется медленно, но будут и маленькие победы.

Я крепче, чем она могла бы себе представить, цеплялась за мысль о маленьких победах, когда поняла, насколько **предельная занятость усиливает ощущение цели. Без работы чувствуешь себя беспомощной.** Мне нужно было найти иной способ заполнить эти часы.

* * *

– Вы можете еще раз объяснить мне, с кем я говорю? – звучал в трубке голос с густым ирландским акцентом.

– Меня зовут Ханна. Я одна из волонтеров нового набора, живу над иммиграционным центром. Это сестра Маргарет?

– Да, это сестра Маргарет.

Где-то на ее стороне линии слышались грохот и отзвуки эхо.

Сестра Маргарет была исполнительным директором общественного центра, обслуживающего район Фордем. Центр предоставлял всевозможные услуги, от детского сада до приюта для матерей-одиночек. Когда я набрала в поисковике ее имя, в ответ мне был выдан только телефонный номер и адрес блога, который не обновлялся с 2008 года. Он мало отражал ту работу, которую сестра Маргарет вела в районе Фордем-роуд на протяжении последних тридцати лет. Если удавалось заставить ее усидеть на месте достаточно долго, чтобы рассказать историю целиком, она говорила, что все началось с миски супа и сэндвич-ролла. Это скромное начало в последующие тридцать лет привело к гораздо более значительному результату, чем очередь к благотворительной суповой кухне. В Бронксе появилась разветвленная организация, обслуживающая несколько групп населения, в том числе детей, бездомных мужчин и женщин, матерей-одиночек, иммигрантов и пациентов со СПИД/ВИЧ.

– Я ищу какую-нибудь дополнительную волонтерскую работу, – сказала я сестре Маргарет по телефону. – Мне порекомендовали...

– О, приходите же, приходите! Мы с удовольствием вас примем.

– И когда мне...

– Можете прийти сегодня. Приходите прямо сейчас! Если пойдете направо от своего дома и повернете направо там, где дорога раздваивается у супермаркета «Си-Таун», справа увидите наше здание. Там есть вывеска! До скорого! – и в трубке воцарилась тишина.

Никаких препятствий. Никакого обсуждения. Никакого «мы перезвоним вам, если решим, что вы нам подходите». Просто – приходи. Приходи прямо сейчас. Приходи какая есть. Через считанные минуты я выбежала из дома, повернула у магазина «Си-Таун» и вскоре уже шла по длинному коридору, по обе стороны которого тянулись классы, полные малышей из района Фордэм-роуд; стены были сплошь покрыты детскими рисунками на темы осенних листьев.

* * *

– Вы можете вставить нас в ту штуку, о которой все говорят? – это был один из первых вопросов, которые она мне задала. Я шла по пятам за сестрой Маргарет, которая показывала мне классные комнаты – там доставали закуски из ярких ланчбоксов и выпутывали сэндвичи из оберточной фольги.

– В ту штуку?.. – переспросила я.

– Ну да, где люди общаются. Какая-то штука в компьютере. Вы же ладите с компьютерами, верно?

– Вы имеете в виду Фейсбук? – догадалась я.

– Да! Вот именно! Все постоянно твердят мне, что нам это необходимо.

– Да, – уверенно ответила я. – Конечно, это я сделать могу.

И она тут же повела меня в свой кабинет, знакомиться с двумя другими женщинами, которые работали в офисе детского сада.

– Сандра! Шелли! Вы должны познакомиться с нашей новой девочкой-волонтером. Она некоторое время поработает с нами!

Они освободили для меня место. Выделили мне стол. Опять возникло то же чувство – чувство принадлежности. Чувство, что ты желанна – такая, какая есть.

Маленькие руки

Нью-Йорк навсегда останется моим и не моим городом. Полагаю, я буду жить в этом непримиримом противоречии, пока мои волосы не поседеют и не выпадут. Я никогда не бываю достаточно спокойна, чтобы неподвижно высидеть ежедневную дорогу на работу и с работы. Я из тех, кому нужно постоянно что-то делать, а это не слишком хорошо вписывается в поведение обычных нью-йоркских пассажиров. Все время, что я жила в Нью-Йорке, я пыталась завязывать разговоры. Мне хотелось расплющить слово «незнакомец» кувалдой. Вот чего не знали обо мне люди, которые ехали вместе со мной в подземке: я нашла способ еще долго носить их с собой после нашего расставания. Я думала о них, пока мы сидели рядом. Я вписывала их в письма.

Я всегда была такой. Я наблюдатель по натуре. Или просто слишком равнодушная. Не знаю, в чем именно дело, но я наблюдала за бездомным, выступавшим с речью все тридцать секунд, что он шел по вагону. **Я не отводила глаз от откровенно неряшливой полуодетой женщины, воинственной и бессвязно бормочущей, и никак не могла понять, почему никто не желает оторваться от книги, чтобы посмотреть на нее.**

Мои глаза метались по вагону, нарезая круги вокруг всех деталей, таких неприметных, что их легко упустить. Вот двое, которые ссорились в углу вагона, пытаюсь не повысить голос громче приглушенного шепота. Он – отстраненный. Она – побежденная. Женщина, крепко обнимающая ребенка, прижимающая его к себе при каждой остановке. Ребенок в пушистой шубке оказывался все ближе и ближе к ее груди. Она была такой настороженной. Такой тихой. И продолжала то и дело целовать малыша в лобик и притягивать к себе, словно говоря: «Подожди, не перерастай меня пока, пожалуйста!» Девушка напротив меня, перепробовавшая все способы прогнать дремоту. Я не могла не смотреть, как она кладет ногу на ногу, то левую на правую, то правую на левую.

В них не было ничего особенно интересного – ни в этой девушке, ни в той молодой матери, ни в ссорящейся парочке; но глаза мои фиксировались на всех трех сюжетных линиях. Я гадала, что могла бы сказать им, если бы представился шанс. Я прикарманивала незнакомцев, укладывала их в свою память, одного за другим. Они становились ближе ко мне во всех тех отношениях, в которых они казались обычными людьми, во всех моментах, в которых они были похожи на меня. И мне каким-то образом удавалось думать, что мы здесь – *все вместе*, в этом поезде номер 4, едущем к центру города. Пока поезд шел все вперед и вперед, я выбирала из толпы несколько человек и представляла себе, каково бы это было – поговорить с ними, узнать их страхи и задать им простой вопрос: *Как твои дела?*

«Как у тебя сегодня дела? Правда! Расскажи, расскажи мне. Светло ли у тебя на сердце? Легко ли было встать нынче утром с постели? Наполнены ли твои легкие радостным предвкушением – или уже довольно долго жизнь кажется тебе чуточку серой?» Может быть, от того, чтобы не чувствовать себя сегодня одинокими, всех нас отделяет лишь одно «как дела?».

Мне нужен был способ сказать любому человеку, с которым я не была знакома: «Эй, может быть, наши колени никогда не соприкоснутся, может быть, мы никогда не углубимся в политическую дискуссию в дешевом баре в Бруклине, но, может быть, тебе нужно знать, что на свете есть кто-то еще. И у этого кого-то тоже имеются трудности. И этот кто-то желает тебе самого лучшего. И громко подбадривает тебя, пусть даже ты и не видишь вскинутых в воздух кулаков».

Я хотела делать что-нибудь кроме того, что я делала, когда садилась в поезд в окружении других незнакомцев, – то есть вытаскивала телефон и притворялась, что я не здесь, а где-то в другом месте.

Телефон стал способом отгораживаться от окружающих, оставаться в своем собственном пространстве, со своим собственным разговором и своим собственным шумом. По правде говоря, мне становилось еще более одиноко от сознания, что я нахожусь где-то, окруженная людьми, имена которых я могла бы с такой легкостью узнать. Что я сама – просто один человек среди тысяч, который предпочитает то, что происходит на экране, гладенькой белой коробочке с надкусанным серебряным яблочком на задней панели. Я то и дело вытаскивала его, чтобы снова прокручивать ленту, ни на что конкретно не глядя, просто надеясь казаться в этот момент важной, или нужной, или желанной.

Я притворялась, что набираю чей-то номер, и прикладывала телефон к уху.

– Алло!

В трубке – молчание.

– А, это ты, привет! Как у тебя сегодня день?

Молчание.

– Отлично! Да! Давай так и сделаем!

Снова молчание.

– Прекрасно! Полседьмого – супер. Мне нравится этот маленький винный бар... Ага...

До скорого!

Я приглашала себя в разные места. Я смеялась ничьим шуткам. Я делала вид, что кто-то где-то ждет меня.

* * *

Я проводила добрую долю своих дней в поезде, поскольку жизнь моя разделилась ровно пополам. Половину недели я была среди дошкольников, становясь постепенно экспертом в рассказывании историй и расшифровке воплей четырехлеток. Остальную часть недели я отдавала работе представителя негосударственной организации при ООН, где точно так же рассказывались истории и расшифровывались вопли, хоть в совершенно иной манере.

В те дни, что я проводила в детском саду, я всегда оказывалась там, где была нужна сестре Маргарет. Однажды утром я заменяла заболевшую помощницу преподавателя. Сognав детей в кружок на полу, я уселась поодаль, у стены класса, и наблюдала, как все они учатся произносить звук «с-с-с», который шипел и пресмыкался, точно змеи, прихлебывающие смузи. Возле меня присела другая учительница. Она не произносила ни слова. Руки ее были скрещены на груди. Я из тех, кому всегда трудно терпеть неловкое молчание, оказываясь рядом с другим человеком, поэтому я попыталась взломать лед.

– Я так устала! – проговорила я. Это была единственная фраза, которую мне удалось придумать, чтобы начать разговор с женщиной.

Она повернула голову, чтобы посмотреть мне в лицо. Смерила меня взглядом. Потом еще раз.

– Милочка, вы ни малейшего представления не имеете о том, как выглядит усталость.

Ее глаза не отпускали меня еще несколько секунд, а потом она заново переплела руки на груди и стала смотреть в пространство прямо перед собой. Шипение продолжало танцевать по комнате.

С-с-с... С-с-с... С-с-с...

Я устала сидеть на собственных туфлях и поглубже засунула руки в свободные карманы платья, сразу же пожалев о своем решении заговорить. Я не хотела оскорбить ее. Я пыталась только найти какую-то общую почву. До конца занятия я больше не сказала ни слова. Когда пора было строить детей в шеренгу и вести их в туалет, я старалась издавать как можно меньше звуков.

* * *

Однако эта женщина была права: я ничего не знала об усталости. Для меня усталостью был не восьмичасовой рабочий день, а бурный уикэнд, заполненный вечеринками и свиданиями за кофе. Я ничего не знала о мире, внутри которого оказалась, о людях, с которыми ежедневно здоровалась, о том, где они были, что делали и как все это складывалось в их истинную усталость.

Я пишу это, по-прежнему зная, что не понимаю ту ползучую бедность, которую видела в своем районе. Ни в коем случае не хочу выдавать себя за эксперта в этой области. Я жила посреди района, который был одним из беднейших избирательных округов США – и при этом находился всего в нескольких станциях подземки от богатейшего округа. Я вступила в свой волонтерский год в то время, когда газеты писали, что Бронкс – поле битвы, на котором люди возобновляют борьбу за прожиточный минимум.

Хотя наши стипендии составляли всего 25 долларов в неделю, я быстро осознала разницу между нами и нашими соседями. Я наблюдала ее каждую среду по утрам, когда за дверями иммиграционного центра выстраивалась очередь. Эта вереница людей с тележками была плотной и уже к половине восьмого извивалась, уходя вдаль мимо нашей двери. Жители района по средам становились в эту очередь, чтобы получить коробку с продуктами со склада, располагавшегося в подвале церкви. Как бы холодно ни было на улице, по появлению этой очереди можно было проверять часы. Проходя мимо, я не могла смотреть в лицо стоящим в ней. Я опускала голову и затыкала уши наушниками. Они были не просто людьми, они не были незнакомцами. Они были моими близкими. И я не знала, как им помочь.

Я хотела сделать вид, что между нами нет разницы. Но она была. В экономическом смысле и в том смысле, что мне была дарована жизнь с другими возможностями. Я училась в лучшей школьной системе. В детстве в мой распорядок дня входили гимнастика, танцы и школьный ученический совет. Я имела привилегию учиться в частном католическом колледже. И хотя над моей головой нависал долг по студенческим кредитам в 50 000 долларов, я могла позволить себе эти кредиты. Мои родители обладали достаточно стабильным экономическим положением, чтобы стать созаемщиками. Мне повезло, и я понимала, что такое «везение» не способно ничего исправить.

* * *

До этого момента, полагаю, я была в основном окружена тем, что могла исправить. Обстоятельствами, которые я могла изменить. Часть меня, ответственная за планирование и исправление, всегда думала, что я могу улучшить положение. Это был единственный известный мне способ врачевать все раны. Тебе грустно? Составь маркированный список. Ты потеряна? Создай систему. Я полагала, что на каждую проблему и душевную травму найдется какая-нибудь система, которая только и ждет за углом, чтобы ее обнаружили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.